

Тьма в хрустальной туфельке

Автор:

[Дж. Дж. Харвуд](#)

Тьма в хрустальной туфельке

Дж. Дж. Харвуд

Лучшие мировые ретеллинги

Когда-то Элла желала большего, чем жизнь простой служанки.

Теперь девушка работает до изнеможения на человека, которого когда-то называла отчимом, а её единственное убежище – книги в библиотеке, куда ей запрещено входить.

Однажды ночью, когда Элла читает при свечах, её желание исполняется. Ровно в полночь девушке является демон и делает предложение, которое изменит её жизнь: семь желаний в обмен на бессмертную душу. Но готова ли Элла уплатить такую цену, чтобы вырваться из нищеты и заполучить своего прекрасного принца?..

Тёмный ретеллинг «Золушки», где нет доброй феи-крёстной: только демоница и фаустовская сделка. Книгу по достоинству оценили книжные блогеры. Затягивающая атмосфера викторианства с готическими нотками и неповторимое свежее прочтение всеми известной сказки. На что готов пойти человек, чтобы исполнить свою мечту? Семь желаний – семь шагов во мрак.

Дж. Дж. Харвуд

Тьма в хрустальной туфельке

© А. Сешт, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Роузи, Джесс, Джорджи и Вэй —

за всю поддержку и вдохновение.

В общем-то, всё это – их вина.

Часть первая

Если б кто-то застукал Элеонору, её бы уволили на месте. Дом поскрипывал, погружаясь в сон, и зной последних дней августа тихо ускользал в ночь.

Элеонора единственная бодрствовала. Ступая тихо, она казалась почти бестелесной, словно пламя. Могла проскользнуть мимо холодных каминов и укрытых чехлами от пыли кресел, похожих на ледники, оставив позади лишь лёгкое движение воздуха, словно дуновение ветерка.

Элеонора прокралась в библиотеку; свет свечи робко касался стен. Тёмные корешки книг были рядами окон, только и ждущих, чтобы их открыли. Открой одно, и узнаешь секреты османских дворцов, откроешь следующее – и увидишь уходящую за горизонт пустыню. Особняк Гранборо исчезнет. Элеонора улыбнулась. Да, ради некоторых вещей стоило рисковать быть уволенной, особенно если хозяин покинул дом на весь вечер.

Элеонора поставила свечу и огляделась. Влажные экваториальные леса в жаркой дымке. Версаль, сверкающий в темноте, словно упавшая на землю

звезда. Верона – Джульетта на балконе, вздыхающая в темноту. Это был идеальный вечер для стихов: девушка могла бы вытянуть ноги и тихо шептать сонеты в неспешной знойной тишине. Но тогда она заплачет, и миссис Филдинг непременно заметит это уже утром. Лучше сохранить лицо непроницаемым, чтобы экономка не любопытствовала.

Элеонора заперла дверь и снова спрятала ключ от библиотеки в рукаве. Она украдала ключ, сняла с шатлена[1 - Шатлен – декоративный пояс или аксессуар, к которому крепятся различные предметы, например, ключи, часы, ножницы, печати и прочее. (Здесь и далее – примечания переводчика.)] миссис Пембрук. Хотя хозяйка дома и умерла более трёх лет назад, Элеонору всё ещё охватывал стыд, когда она рылась в вещах миссис Пембрук. Не то чтобы та была против. Последние несколько месяцев своей жизни женщина провела, лёжа на подушках, рассказывая Элеоноре, как заботиться обо всём, что она унаследует согласно завещанию миссис Пембрук.

Ключ на руке показался Элеоноре тяжёлым, словно оковы. Миссис Пембрук никогда бы не пожелала увидеть, как девушка пробирается по дому, словно воровка, просто чтобы почитать.

Хозяйка дома вообще не хотела, чтобы Элеонора стала служанкой. Версаль, Верона, может быть, даже тропический лес – во все эти места Элеонора могла бы отправиться, если б только миссис Пембрук была жива. К горлу подкатил ком. Миссис Пембрук планировала взять Элеонору в путешествие по Европе, когда та станет достаточно взрослой, чтобы вступить в высшее общество. И вдруг всё это показалось ужасно жестоким – все эти истории о путешествиях, разложенные перед ней. А ведь когда-то она была так близка к тому, чтобы воочию увидеть эти места, о которых здесь было написано.

Элеонора постаралась встряхнуться и велела себе не расстраиваться. Она взяла с полки «Кольцо Фэйри» и, как только книга оказалась у неё в руках, сразу же почувствовала себя лучше. Отпечатки её пальцев – конечно же, поменьше, чем сейчас, – отмечали оглавление, а обложка на уголке сзади была чуть потрёпана, поскольку Элеонора всё время теребила его, когда читала.

Когда девушка устроилась в своём любимом кресле с книгой в руках, душащий ком в горле растаял. В свои семнадцать она уже знала, что давно пора вырасти из всего этого, но так трудно было расстаться с миром, где росли деревья с нежными золотыми и серебряными ветвями, а в прохладной чистой воде таились

странные создания! Элеонора позволяла себе заблудиться на узких тропках, петляющих через тёмный лес, страстно мечтала уметь превращать солому в золото и завидовала двенадцати братьям, которые превратились в лебедей. Это казалось таким прекрасным – стать белоснежной птицей, которая может лететь куда угодно.

Когда часы пробили полночь, девушка поставила книгу обратно, убедившись, что устроила её на место точно так же, как прежде. Звон был тихим, но звук тяжело отдался в груди Элеоноры, словно свинцовая гиря. Старое воспоминание пробилось на поверхность её мыслей: ей было девять, и она свернулась клубочком, прижавшись спиной к ножке железной кровати, когда другие – более дешёвые и более жестокие часы – пробили полночь, – но Элеонора потрянула его. Не стоит сейчас думать о собственной матери.

Где-то снаружи по брусчатке прогрохотала карета. Девушка вздрогнула и чуть не уронила свечу. Сердце колотилось. Этим вечером мистер Пембрук собирался поужинать в своём клубе. Что, если он передумал и вернулся пораньше?

Элеонора замерла у двери, прислушиваясь, беря себя в руки. Если она успеет прошмыгнуть быстро, никто даже не догадается, что она покидала свою комнату. Девушка прокралась обратно по лестнице для слуг и проскользнула в свою каморку, постаравшись не вздрогнуть при виде голых досок, железного каркаса кровати и бесполезного обрывка занавески, безвольно свисающего на окне. Не обращая внимания на то, что одеяла пахивали плесенью, Элеонора забралась в кровать, бережно лелея воспоминания о сказках – словно грея ладони у крошечного пламени. А когда уснула, ей снились огромные крылья, уносившие её прочь, и девушка не знала, были ли то её собственные крылья.

Трудно верить в сказки, когда просыпаешься от запаха сырости. Плечи Элеоноры были тяжёлыми, как мешок с камнями, а колени уже болели. В её каморке в мансарде не было ровным счётом ничего волшебного. Маленький комод, дешёвый и потрескавшийся. Кувшин и выщербленный умывальник. Покатая крыша была слишком низкой, а на стенах и потолке остались влажные пятна. Она словно спала на дне колодца.

Элеонора надела форму – добротное коричневое шерстяное платье, которое всё ещё колелось, сколько бы раз девушка его ни стирала, но всё ещё вспоминала, как мерно вздымались её крылья, о которых она так мечтала. Позже она расскажет об этом Ифе, и пока они будут начищать серебро, перечислят все

места, куда хотели бы полететь.

Как всегда, Элеонора проверила свой ящичек с деньгами, прежде чем покинула комнату. Она не стала открывать комод, просто потянула ящик на несколько дюймов, чтобы мешочек подкатился поближе, звеня монетками. Глупая привычка, но от этого звука внутри вспыхивала надежда. Теперь у неё скопилось примерно двадцать пять фунтов – почти достаточно, чтобы снять себе чистые красивые комнаты на несколько месяцев, но после этого придётся как-то жить дальше. Недолго она будет опорожнять чужие ночные горшки.

Элеонора тихонько выскользнула в коридор и постучала в дверь Леи.

Живот Леи возвышался словно холмик над долинами простыней. Тёмные волосы рассыпались по подушке, а длинные руки и ноги торчали из-под одеял. Во сне она вздрагивала, и её ресницы трепетали, когда ребёнок внутри двигался. Остальные служанки делали вид, словно не замечают, как Элеонора помогала Лее ослабить пояс её форменного платья. Гнев пронёсся внутри яркой вспышкой. Все девять месяцев Элеонора готова была притворяться удивлённой и изобразила бы изумление, когда родится ребёнок, но ведь от неё ничего не зависело. Всё зависело от миссис Филдинг, и остальные прекрасно знали, что, как только Лея больше не сможет скрывать своё положение, экономка уволит её без рекомендаций. Лея тоже знала это. Её саквояж был упакован уже несколько недель как – просто на всякий случай.

Элеонора кашлянула.

– Лея?

Лея резко проснулась, распахнула глаза.

– Господи, Элла! Я думала, ты...

– Он, кажется, пока не вернулся, – сказала Элеонора, притворяя за собой дверь. – Я подумала, тебе понадобится помощь, чтобы одеться.

Лея вспыхнула:

– Кажется, заметно лишь самую малость.

Элеонора постаралась, чтобы её голос звучал мягко:

– Уже не совсем малость...

Лея вылезла из постели. Когда она встала на ноги, Элеонора ощутила трепет надежды. Её подруга всегда была пышной, и если будет держаться прямо, возможно, миссис Филдинг подумает, что девушка просто прибавила в весе. Конечно, были и другие признаки – тёмные круги под глазами от бессонных ночей, чуть осунувшееся лицо из-за утреннего недомогания. Но все служанки уставали, и Лея всегда могла сослаться на то, что съела что-то не то. Возможно, пока Лее не пришло время уходить. Не прямо сейчас. Возможно, в этот раз всё будет иначе.

В комнатке – такой же маленькой и обшарпанной, как каморка Элеоноры, – не было зеркала. Лея растянула чулок и попыталась намотать его вокруг талии, чтобы посмотреть, насколько вырос живот. Концы чулка едва сошлись, и девушка отбросила его в сторону. Руки у неё дрожали. Элеонора подняла чулок, разгладила и сложила, стараясь не смотреть в лицо подруге. Это заняло больше времени, чем следовало, – отчаяние, разочарование сделали её неуклюжей.

– Может, миссис Филдинг пока не...

Лея сухо рассмеялась:

– Раз уж ты заметила несколько недель назад, Крошка Нелл, надежды у меня не осталось.

Старое прозвище кольнуло, словно игла, которую кто-то сунул под ноготь. Элеонора сдержалась.

– А ты никогда не думала о том, чтобы... ускорить роды? Есть ведь женщины, которые могли бы...

Лея уставилась на неё. Серые глаза были полны изумления:

– Я бы никогда не стала! И где ты только о таком наслушалась?

Элеонора покраснела. Лея ведь была далеко не первой служанкой в особняке Гранборо, которая забеременела.

– Ох да, я бы тоже не стала, – пробормотала она. – Но непохоже, чтобы ты была счастлива, и я подумала...

– Конечно же я не счастлива! – огрызнулась Лея.

Элеонора протянула к ней руку, но Лея оттолкнула её ладонь:

– Лучше иди.

Элеонора спустилась по лестнице, оставив Лею бороться со шнуровкой платья самостоятельно. В огромной кухне особняка Гранборо было тихо и темно. Сквозь окно, располагавшееся на уровне улицы, пробивалась тонкая полоска света. Элеонора наполнила ведёрко углём и с третьей попытки разожгла кухонную плиту, прежде чем вошли остальные слуги. Дым от углей обжигал глаза, но девушка смотрела на пламя, и по лицу текли слёзы.

Ходить за водой – худшая часть утра Элеоноры. Железное ведро било по голеням, когда она поднималась по ступеням к их маленькому участку сада. Серый свет заливал высокие стены. Трава в саду, деревья и старый каретный двор казались смутными очертаниями в сумерках. Когда девушка подошла к насосу в конце заросшего сорняками участка, разбитые окна заброшенного каретного сарая заблестели.

Желоб под насосом был заполнен водой и покрыт тонким слоем мёртвых мух. Элеонора нажала на рычаг. Помпа издала ужасный всасывающий звук и залила водой её юбки. За стеной грохотали экипажи – быстро, резко. Дома вокруг уже пробуждались к жизни. Элеонора слышала, как открываются двери, лязгают вёдра и, прогреваясь, тихо вздыхают дымоходы, один за другим. Мэйфер[2 - Мэйфер – престижный район Лондона.] был по-прежнему тих, но Элеонора уже слышала шум, когда повернула голову в сторону Мэрилибон[3 - Мэрилибон, или Марилебон – зажиточный квартал на севере Вестминстера.].

Неспешный стук колёс возвещал о прибытии гружёных тележек уличных торговцев. Издалека раздавался крик: «Кофе! Горячий кофе!» Кажется, со стороны Уголка Ораторов[4 - Уголок Ораторов – место, где разрешены публичные выступления, дебаты и дискуссии.]. Уличные торговцы всегда приходили туда рано, продавая свиные ножки рьяным верующим, которые так заботились о своих душах, что забывали о телах. Но, пожалуй, так даже лучше, если собираешься попробовать товар этих торговцев. Продавец фруктов на углу Уигмор-стрит, например, варил апельсины, что было не так уж и плохо.

Элеонора потащила ведро в дом.

Когда она закончила, большинство служанок уже собрались у кухонного стола. Худая кудрявая Лиззи зевала над своей плошкой с овсянкой. Леи так и не было. Ифе улыбнулась Элеоноре – её глаза всё ещё были затуманены со сна. Дейзи, последняя оставшаяся помощница кухарки, сгорбилась над плитой. Мышцы её сильных смуглых рук напрягались, пока она помешивала кашу в тяжёлом котле. Дейзи налила ещё одну плошку. Поймав её взгляд, Ифе покраснела. Элеонора готова была поклясться, что видела, как Дейзи подмигнула.

– А где Лея? – спросила Элеонора. – Всё ещё одевается?

Ифе, краснея, отвела взгляд от Дейзи.

– Я её не видела.

Элеонора передала Дейзи пустую плошку:

– Нужно оставить поесть и ей. Ей понадобятся силы.

Лиззи, старшая служанка, закатила глаза:

– Элла, только не надо нравоучений. Она сама виновата, что теперь должна есть за двоих.

Элеонора резко развернулась, в ней вспыхнул гнев:

– Это не её вина, и ты прекрасно знаешь.

Лиззи усмехнулась:

– Я много чего знаю, мисс Элеонора.

Когда Лея влетела в кухню, Лиззи замолчала. Она плохо справилась с одеванием – платье вздувалось и провисало в тех местах, где не вполне хорошо застёгивалось. От этого её живот казался ещё больше. Глаза сильно покраснели. И всё же она набросилась на кашу, которую оставила для неё Элеонора, и заглотила всю без остатка.

– Не очень-то ты спешила, чёрт возьми, – пробормотала Лиззи, отводя взгляд.

Лея отставила плошку в сторону и ответила Лиззи долгим холодным взглядом:

– Зато ты, похоже, рада была поторопиться. Каши едва осталось. Скажи, еда в самом деле вкуснее, когда её у кого-то отбираешь?

Лиззи вспыхнула и со стуком положила ложку на стол.

– Думай, с кем говоришь!

Миссис Филдинг ворвалась прежде, чем ссора успела толком разгореться. Несмотря на ранний час, выглядела она безупречно. Чёрное платье было вычищено чуть ли не до блеска. Каштановые волосы, чуть припорошённые сединой, были скручены в очень тугий пучок. Следом вошла сутулая миссис Бэнбёри, кухарка, низенькая и коренастая, с короткими, торчащими во все стороны седыми волосами, липшими к шее. Обе выглядели разгорячёнными и уставшими.

– Всё ещё едите, девочки? – спросила миссис Филдинг, потирая старый шрам на шее. – Пойдёмте, у нас много дел.

Лиззи манерно улыбнулась экономке:

– Мы как раз закончили, миссис Филдинг. – Она снова повернулась к столу: – Элла, можешь убирать.

Миссис Филдинг кивнула, оглядев собравшихся. Её взгляд упал на Лею, на её живот, и все увидели, что решение было принято в тот же миг. Элеонора смотрела, как женщина стиснула зубы, как дёрнулся кончик шрама, и знала – она не может ничего ни сказать, ни сделать, чтобы заставить миссис Филдинг передумать.

Этим вечером Элеонора снова пойдёт в библиотеку. Она будет читать до рези в глазах, будет топить себя в словах, в ванильном аромате переплёттов, заменяя собственную кровь чернилами. Она будет упиваться иными мирами, воссоздавая себя заново – чистой, свежей, очарованной историями со всех континентов, в полной безопасности там, где хороших добрых девушек не бросали...

– За работу, девочки, – резко сказала миссис Филдинг, не сводя глаз с Леи.

Элеонора мыла полы, когда миссис Филдинг повела Лею из кухни, мимо брошенной прачечной, к себе в комнаты. С грохотом девушка переставляла посуду, мечась по кухне, собирая необходимое. Три ведра – мыльная вода, чистая вода, вода с уксусом – и столько тряпок и губок, что хватило бы на целое лоскутное одеяло. Тщательно Элеонора протёрла каждую плитку сначала с мылом, потом водой, потом уксусной смесью, пока руки не покраснели, а костяшки пальцев не покрылись тонкой паутиной трещин. Хотелось, чтобы шорох тряпки по камню заглушил мольбы Леи.

Так не должно было быть.

Элеонора знала, что лучшего ей ждать неоткуда. Её мать служила миссис Пембрук с тех пор, как обе женщины были подростками, и они доверяли друг другу все секреты уже после того, как мать Элеоноры перестала работать на миссис Пембрук. У Элеоноры остались смутные воспоминания о том, как она играла на полу между двумя женщинами, а те планировали её будущее. Миссис Пембрук обещала Элеоноре хорошие рекомендации для первой работы и надеялась, что девушка позаботится о дочери миссис Пембрук в её собственном большом доме. Но когда Элеоноре было восемь, её мать заболела, и все эти планы были омрачены долгим годом ухода за больной, который девушка помнила лишь урывками. Как подметала пол метлой с неё ростом, как помогала матери сесть на большой железной кровати и кормила бульоном. Как умерла

мать, а потом и отец, и миссис Пембрук взяла Элеонору к себе. Все ожидали, что женщина научит Элеонору работе горничной, даст ей хорошие рекомендации и отпустит восвояси.

Но вместо этого миссис Пембрук относилась к Элеоноре как к собственной дочери.

Когда Элеонора с криками просыпалась среди ночи, именно миссис Пембрук спешила к ней в спальню. Именно миссис Пембрук каждое утро водила Элеонору в библиотеку и терпеливо учила французскому, и арифметике, и игре на маленьком фортепиано, не прибегая к услугам гувернантки. Миссис Пембрук даже помогала девочке одеваться, расчёсывала её длинные светлые волосы и заставляла её смеяться, переплетая ей косы в забавные фигуры. Элеонора не удивлялась такой заботе – знала, что миссис Пембрук всегда хотела ещё одну дочку и часто об этом говорила. Целых несколько ярких лет она была «мисс Элеонорой», одеваясь в шелка и атлас, и мир, где ей приходилось менять простыни для своей лежачей матери, остался далеко-далеко позади.

Элеонора стала бы настоящей леди – прекрасной, мягкой, живущей в безопасности. Её жизнь сплошь бы состояла из званных вечеров, поездок за границу и проблем таких незначительных, что они бы едва её беспокоили. Миссис Пембрук даже научила девушку вальсировать с её сыном Чарльзом. Он был немного старше, голубоглазый, долговязый, с непослушными усами, которыми чрезвычайно гордился. Когда он возвращался из школы, миссис Пембрук приказывала слугам расчищать место в гостиной, чтобы Элеонора и Чарльз могли неловко механически переступать, глядя друг другу под ноги. Лицо Чарльза всегда делалось пунцовым от того, что его просили танцевать с девчонкой на четыре года младше его, но стоило ему бросить взгляд на затуманенные глаза матери – и он неизменно танцевал с Элеонорой.

А потом миссис Пембрук умерла.

От запаха уксуса глаза у Элеоноры слезились, и её выдернуло из воспоминаний в настоящее.

Лея вышла из комнаты миссис Филдинг и скрылась на лестнице для слуг. Уже пару минут спустя она вышла, держа в руках свой красный саквояж, и, спотыкаясь, направилась к задней двери. Миссис Филдинг смотрела ей вслед, и

её лицо совсем ничего не выражало.

Элеонора побежала за подругой:

– Лея!

Лея обернулась, когда уже схватилась за калитку. Её серые глаза сияли какой-то нервной энергичностью, а лицо казалось таким напряжённым, что Элеонора невольно отступила.

По дороге мимо мчались двухколёсные экипажи и следом скользили кэбы. На полном лице Леи застыло такое странное выражение, что Элеонора почти боялась, не бросится ли подруга под какой-нибудь экипаж. Она не могла просто позволить Лее уйти!

– Не уходи, – попросила девушка.

Лицо Леи исказилось:

– У меня, чёрт возьми, нет выбора!

– Ты можешь пробраться ко мне в комнату, когда она не видит. Я буду приносить тебе еду. Или спрятаться в каретном сарае! Туда никто не ходит!

– Ох, ради бога, Элла!

Элеонора теребила передник, убеждая себя, что плакать она не будет. От этого станет только хуже.

– Мне так жаль...

– Нет. Я... я не... – Лея прижала ладонь к губам, а когда отняла, её взгляд снова стал суровым. Опустив саквояж, она схватила Элеонору за руки.

– Не позволяй ему прикасаться к тебе, – прошипела девушка. – Ни за что. Если он подойдёт, просто... ударь его. Пни его. Огрей его кочергой! Что угодно сделай,

слышишь?

Элеонора кивнула, сжимая руки подруги.

- Ты будешь мне писать?

Лея отпустила её ладони и снова подняла саквояж.

- Знаешь, я ведь так и не научилась. Запомни, что я сказала. И Ифе тоже обязательно скажи. Раньше так никогда не было.

- Нет, - согласилась Элеонора, внезапно почувствовав себя старше и более одинокой, чем когда-либо. - Не было.

Элеонора вылила воду из вёдер в саду. Мыльные брызги окатили её юбки. В лицо бил солнечный свет. Если она не будет осторожна, то обгорит. Глядя, как грязная вода плещется по траве, девушка сжимала и разжимала кулаки. Нужно было взять себя в руки, прежде чем миссис Филдинг заметит.

Лея была права.

Несколько лет назад в особняке Гранборо и правда всё было совсем иначе. Здесь были лакеи и прачки, в каретном сарае стоял экипаж. И не было попрошаек, которых каждое зимнее утро прогоняли констебли. Элеонора ступала по идеально вычищенным коврам, любуясь своим отражением на каждой блестящей поверхности, задерживаясь возле тёплых каминов. Когда Чарльз бывал дома во время школьных каникул, они сидели в библиотеке в мягких креслах и вместе практиковали французский - если он оставался достаточно долго. Но после смерти миссис Пембрук не осталось лакеев. Карету продали, а кучера уволили. Дворецкий ушёл, и вскоре за ним последовал камердинер, причём каждый забрал с собой по ящику изысканных вин. Ковры запылились, сияющие поверхности потускнели, и всё больше каминов оставалось холодными. Чарльз перестал возвращаться домой. А однажды утром миссис Филдинг разбудила её в пять утра и сказала, что теперь она должна зарабатывать себе на жизнь. И не имеет значения, что мистер Пембрук был законным опекуном Элеоноры и должен был относиться к ней как к собственному ребёнку. Из «мисс

Элеоноры» она снова стала просто Эллой – её собственное имя использовали, чтобы напоминать о её месте. Элеоноре было четырнадцать, и она смотрела, как рушилось её будущее.

Взяв себя в руки, девушка подхватила вёдра и вернулась в дом. Лиззи рылась в одном из кухонных шкафов в поисках тряпок. Проходя мимо, Элеонора едва подавила желание как следует ударить её по костлявым коленкам вёдрами, когда убирала их. Дейзи чистила морковь и рассказывала о трактире, который она хотела открыть вместе со своим братом – тот, как и их отец, стал моряком в Вест-Индии. Миссис Бэнбёри потела над железной плитой, стоя на старом сундуке, чтобы легче было дотягиваться до кастрюль и сковородок. У кухарки по всей шее была сыпь, расцветавшая от жары, и время от времени женщина протягивала руку и чесалась. Ифе ждала за кухонным столом, сжимая в руке письмо. Завидев Элеонору, она подалась вперёд:

– Я получила письмо из дома! Ох, мисс, пожалуйста, прочитаете мне?

Элеонора улыбнулась:

– Не надо называть меня «мисс», Ифе.

Дейзи закатила глаза, а Ифе покраснела.

– Вот уж точно, не надо.

– Приберегите свои сплетни до воскресенья, девочки. Баранину уже привезли? – крикнула через плечо миссис Бэнбёри.

Лиззи тут же распрямилась, посмотрела на заднюю дверь, через которую торговец приходил в дом с товаром.

– Разве мальчишка не приходил, миссис Би? – крикнула в ответ Дейзи.

– Господи Иисусе, это тебе виднее, соня!

– Я морковь чистила, миссис Би! – Дейзи махнула морковкой в подтверждение.

Миссис Бэнбёри выругалась. Её взгляд упал на Элеонору:

– Будь добра, Элла, сбегай за бараниной для хозяина. Чёртов мальчишка не приходил.

– Ещё только полдень, – быстро проговорила Лиззи. – Он ещё придёт.

Миссис Бэнбёри зыркнула на неё:

– У меня нет времени для этих «ещё». Если баранина не появится вовремя – обеду конец. Давай, Элла. Бери корзинку.

– Прямо сейчас? – спросила Элеонора. – Может, я подожду, пока Ифе соберёт бельё для прачечной, и мы пойдём вместе?

– Нет, сейчас, – резко ответила кухарка.

– Без...

Элеонора осеклась, но было уже поздно. Её плечи поникли от смущения. Дейзи распахнула глаза, глядя на Ифе, и покрутила в руке пучок моркови, словно изысканный зонтик.

– Без сопровождения?

Лиззи фыркнула со смеху:

– Можно подумать, мисс Элеонора запятнает свою репутацию, если пойдёт к мяснику сама! Я пойду, миссис Би, пока Элла, чего доброго, не упала в обморок.

– А ну за работу! – прикрикнула миссис Бэнбёри на Лиззи, проигнорировав гневный взгляд служанки. Обернувшись, она вздохнула, погладила Элеонору по руке и тихо добавила: – Господи, деточка, тебя ведь не похитят, стоит только порог переступить. Иди, не бойся.

Элеонора нашла свою старую шляпу с широкими полями, подняла воротник и натянула перчатки, прежде чем выйти на улицу. Леди вокруг были похожи на лилии, бледные и прекрасные. Она бы тоже была такой, если б могла. С вуалью было бы лучше, но та не подошла бы к этому тёмному платью. Элеоноре больше нравилось думать, что теперь она скорее скользит по улицам, точно призрак, и тени обволакивают её. Но люди могли подумать, что она в трауре (или, ещё хуже, будто она католичка!), да и вуаль стала бы ещё одной вещью, которую придётся стирать.

Жар был невыносимым – словно пощёчина. Влажное платье выпускало на солнце пар. На улице было тихо, и аккуратный ряд богатых особняков казался ослепительно-белым в солнечном свете. Единственное движение, которое она заметила, было подёргивание хвоста большого рыжего кота, растянувшегося на тротуаре. Элеонора повернула к Мэрилибон – товары мясников с Мэйфера были сейчас для них слишком дороги, – и шум затопил тяжёлой волной. Коричневая пыль липла к юбкам, кружилась у копыт лошадей, поднималась по ногам прохожих. Дети столпились у «Панч и Джуди»[5 - «Панч и Джуди» – традиционный уличный кукольный театр, первоначально возникший в Италии в XVII веке.], липкие от сладостей и пота. Мимо проносились кэбы и экипажи. Окна домов распахивались одно за другим. Лошади с надеждой сопели, косясь на лотки с яблоками. Уличные торговцы продавали имбирное пиво и клубничный лёд – их лица покраснелись от криков на солнце. Молочницы пробивались сквозь толпу, расталкивая всех вёдрами. Когда одна из них проходила мимо, Элеонора уловила запах несвежего молока и увидела тонкий слой той же коричневой пыли и мёртвых насекомых, плавающих на поверхности.

Кто-нибудь то и дело пихал локтями ей в бока. Ноги скользили в пыли. Какой-то ребёнок ударил по её пустой корзине и побежал прочь, ругаясь, что ничего не выпало. Фыркали лошади – казалось, в самое ухо. Над головой то и дело свистели хлысты кучеров, и со всех сторон раздавались крики:

– Яблоки! Свежие яблоки!

– Билли, а ну вернись, сейчас же!

– Клубничный лёд! Прекрасный клубничный лёд! Всего за пенни, порадуйте своего малыша, миссис, и одно для вас...

– Все на борт, отправляемся к Пикадилли! Эй вы, сэр, вы к Пикадилли?

Элеонора поспешно шмыгнула в сторону с пути omnibusа. Кто-то дёрнул её за юбки. Чья-то рука потянулась к её кошельку, и девушка шлёпнула её. Ещё чья-то рука потянулась к её бёдрам, и девушка ударила по ней корзиной. Псы рычали на неё. Какой-то дудочник засвистел ей в самое ухо. Мухи кружили у её головы.

Наконец она добралась до лавки мясника, потрёпанная и вспотевшая. Даже вид свиных туш, развешанных у окна, не подавил нахлынувшего на неё облегчения.

Пригнувшись, Элеонора прошла внутрь, стараясь не обращать внимания на запах мяса, которое слишком долго продержали на жаре. Помощник мясника – юноша лет двадцати с тёмными волосами и длинным худым лицом – при виде неё распрямылся и отёр окровавленные руки о фартук. Элеонора не раз видела, как он околачивался у чёрного входа в особняк Гранборо, дожидаясь Лиззи, смущаясь. Они гуляли вместе уже почти год, но, если рассуждения, которые подслушала Элеонора, были правдой, Лиззи зря тратила своё время.

– Доставка в особняк Гранборо, будьте добры.

– Доставку доставляют, знаете ли, – брови юноши приподнялись. – Ты одна из девочек Гранборо? – Его взгляд скользнул к её талии. – Раньше там тебя не видел. Ты новенькая?

– Нет. Я там уже не один год.

Он недоверчиво рассмеялся на всю лавку:

– Да ладно! И как же такой хорошенькой штучке вроде тебя удалось продержаться так долго? Старик что же, ослеп?

Элеонора вспомнила Лею, и чувство безнадёжности окутало её точно саван. Она сделала вид, что не расслышала.

– Доставка в особняк Гранборо, будьте добры.

– Ладно, ладно. Я ничего такого не имел в виду.

Юноша передал ей большой свёрток в вощёной бумаге, но, когда Элеонора попыталась забрать мясо, он не отпустил.

- Ты будешь в доме, когда я доставлю товар в следующий раз?

- Я буду работать. Благодарю.

Она выдернула из его рук свёрток и затолкала в корзину. Помощник мясника широко ухмыльнулся – один из его клыков отсутствовал.

- Я заскочу, и мы увидимся, а? Как тебе такая мысль?

- Лучше не стоит. Если хотите, можете передать со мной весточку Лиззи. Она ведь ваша душечка, да?

Его ухмылка потускнела:

- Ну, я бы не сказал прямо, что душечка...

- А вот она бы сказала.

Поджав губы, Элеонора вышла и затерялась в толпе.

Когда девушка вернулась, Лиззи ждала у чёрного хода. Покусывая ногти, она смотрела, как Элеонора снимает и вешает на гвоздь свою шляпку и стягивает перчатки.

- Слава богу, – проговорила Лиззи наконец. – Мисс Элеонора благополучно пережила поход на улицу без сопровождения и вернулась к нам целая и невредимая! Какое, чёрт побери, облегчение!

Элеонора глубоко вздохнула.

- Очень мило с твоей стороны, Лиззи, – ответила она спокойно.

- Жаль, некому вынести тебе твои носилки.

- И правда жаль.

Элеонора подхватила свой сундучок с рабочими принадлежностями. В широком деревянном ящике, больше похожем на корзину, лежали старые тряпки, жестяные банки с полиролью и огромная перьевая метёлка для пыли. Вешая метёлку себе на запястье, Элеонора чувствовала, как Лиззи смотрит на неё, и мечтала о том, чтобы как следует стукнуть девушку по голове.

- Ну? - резко спросила Лиззи.

Элеонора напустила на себя то самое невинное выражение, которое Лиззи так ненавидела:

- Что, прости?

Подбородок Лиззи дёрнулся:

- Что он сказал?

Элеонора вспомнила ухмылку Лиззи, когда стало понятно, что Лея не задержится с ними надолго, и её охватило странное злорадство. Она постаралась, чтобы на лице ничего не отразилось. Больше никаких ухмылок.

- Извини, о ком ты?

- Ты прекрасно знаешь, о ком я, чёрт возьми! О Берти, конечно! Он просил мне что-то передать?

- Тот высокий парень с тёмными волосами? Он спрашивал, новенькая ли я.

Лиззи отдёрнула руку ото рта. На пальце выступила кровь.

- Ты о чём?

Элеонора честно смотрела на неё широко распахнутыми глазами, но внутри ликовала.

– Он просто хотел узнать, виделись ли мы раньше. Я сказала, что нет.

Оставив Лиззи тревожиться о произошедшем, Элеонора стряхнула пыль с юбок и поднялась по лестнице, ступая совсем тихонько. Второй этаж. Длинный тонкий ковёр заглушал звук её шагов, когда она кралась по пустому коридору. Нетронутые чехлы для мебели и закрытые ставни придавали дому атмосферу тяжёлой неподвижности, но, по крайней мере, на втором этаже было прохладнее.

Пять минут в библиотеке – вот всё, что ей нужно. Всего пять минут – насладиться запахом старых книг, – и гнев истает. Элеонора пригнулась и скользнула внутрь. В дневном свете библиотека казалась меньше, но в солнечных лучах ярко искрились нити старого персидского ковра и золотое тиснение на корешках книг. Этот зал был сундуком, и все сокровища были прямо здесь.

Девушка подошла к ближайшей полке с книгами и вытащила старый дневник путешественника. Только пять минут.

Дверь за её спиной открылась, и Элеонора резко обернулась.

На пороге стоял мистер Пембрук.

Девушка не удержалась – попятилась, прежде чем сумела остановить себя. Нет, ей не удастся просто проскользнуть мимо – он всегда был крупным мужчиной и стал ещё больше, поглощая все эти ужины, которых она никогда не сможет себе позволить. Как только кто-то вроде него мог быть женат на такой доброй великодушной леди, как миссис Пембрук? Элеонора никогда не могла понять. Наверное, когда-то он был красивым, но теперь его волосы липли к потному лбу, а лицо было толстым, одутловатым, и глаза блестели, как гнилые фрукты, когда он окинул девушку взглядом. Даже днём от него разило бренди.

Руки сами собой сжались в кулаки. «Как он смеет? – думала девушка. – Как смеет вообще показываться? Лею уволили сегодня, и она носила его ребёнка».

Лея, придумавшая Элеоноре глупое прозвище и научившая, как оборачивать резкость Лиззи против неё самой же. Её уволили – без рекомендаций, незамужнюю, с ребёнком, которого она даже не желала. Теперь Лея не сможет найти работу, и никто не позволит незамужней матери снять приличную комнату. Деньги у неё скоро закончатся, а ей даже негде будет жить, и если что-то с ребёнком будет не так – Лея даже не сможет позволить себе услуги врача. Одному Богу известно, куда собиралась теперь отправиться Лея и что намеревалась делать. Мистеру Пембруку было всё равно. Он шагнул в библиотеку, сунув большие руки в карманы своего блестящего жилета. Взгляд его лягушачьих глаз был беспечным, словно у ребёнка, и он насвистывал какой-то мотивчик. Ненависть Элеоноры была так сильна, что казалось, воспламеняла кровь.

Завидев её, хозяин дома прекратил свистеть.

– А-а, – протянул он. – Элла.

Девушка заставила себя присесть в реверансе. Он ведь всё ещё был хозяином этого дома, и она не могла позволить себе беспечность. Если Элеонору выкинут на улицу без рекомендаций, ей тоже будет некуда идти.

Ворот его рубашки был безукоризненно белоснежным. Атласный шейный платок блестел. Тёмный костюм был вычищен и выглажен. Лея сделала всё это днём раньше. Она сама настояла, что соберёт его вещи и разложит его одежду, надеясь, что застанет его в комнате. Наверное, это был бы последний день, который Элеонора и Лея могли бы провести вместе, если бы Лея не попыталась выпросить у Пембрука денег – на его же ребёнка. Но трус не явился домой прошлой ночью, и теперь Леи в особняке не было.

– Что ты делаешь с этой книгой?

– Я... ставила её на место, сэр, – солгала Элеонора, заставляя свой голос звучать смиренно.

– Что ж, не буду мешать.

Он кивнул на полки, всё ещё стоя на пороге. Элеонора развернулась и аккуратно поставила книгу на место, чувствуя странный стыд. И она почти физически

ощущала, как Пембрук смотрит на неё.

– Скажи мне, Элла, – медленно проговорил он, когда девушка обернулась. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать, сэр.

Его брови поползли вверх, словно она не жила в его доме больше семи лет.

– Как же ты выросла.

Элеонора промолчала. Ей отчаянно хотелось помыть руки.

Мистер Пембрук прошёл к креслу и сел.

– Знаешь, а я ведь всё ещё помню, как ты сидела у меня на коленях. Иди сюда. Порадуй старика.

Он похлопал себя по колену. Элеонора стиснула свой сундучок, держа его, точно щит. Всю её наполняло отвращение и страх, окутавший её, словно тяжёлый дым от горящего угля.

«Не позволяй ему прикасаться к тебе», – предупреждала Лея.

Элеонора просто не ожидала, что всё начнётся так быстро – а ведь даже дня не прошло с тех пор, как подругу выгнали.

Мысль о Лее не позволила отвращению окончательно захлестнуть её. Элеонора думала быстро. Нет, она не собиралась разделять судьбу подруги.

– Признаться честно, я этого не помню, сэр, – сказала она, потихоньку отступая к двери. – Уверена, у вас были дела поважнее, чем развлекать забавных детей. В основном из того времени я помню вашу супругу.

Даже спустя три года на его лице промелькнула тень горя. Элеонора тоже ощутила печаль, но это чувство сопровождалось злорадным триумфом. Даже

после смерти миссис Пембрук защищала её.

– Она была такой великодушной, – продолжала Элеонора, пятясь к двери, и видела, как дряблые щёки мистера Пембрука вспыхнули. – Такой доброй. Она мне была как мать. И она так прекрасно разбиралась в том, что подобает леди! Никогда не видела никого, кто так бы заботился о слугах, как наша госпожа. Она всегда будет мне примером. Каждый день я стараюсь жить так, как она бы одобрила...

Мистер Пембрук поднялся и поковылял к двери.

– Я... да, да. Что ж, на этом всё.

Он буквально выскочил из комнаты. Глаза у него так и сверкали, а челюсти были крепко стиснуты. Элеонора досчитала до пяти, а потом поспешила к двери и заперлась. Сердце бешено колотилось в груди. Девушка навалилась спиной на дверь, удерживая ту закрытой.

Она говорила правду – в самом деле она мало что могла вспомнить о мистере Пембруке из своего детства. Хозяин всегда казался отстранённым, угрожающим, и единственное, что Элеонора помнила, – так это то, как он кричал на Чарльза во время школьных каникул за оценки, которые никогда не были достаточно хорошими. И только когда миссис Пембрук умерла, а Элеонора оказалась не по ту сторону двери из зелёного сукна[б - Дверь из зелёного сукна – дверь, отделяющая помещения для прислуги от жилых комнат, к ней прибывали сукно, чтобы заглушить шум. (Прим. ред.)], она узнала, каким был хозяин на самом деле.

Девушка посмотрела на кресло, в котором он только что сидел, и вздрогнула. Нужно будет как следует вычистить это кресло, если она хочет чувствовать себя в безопасности, сидя в нём. Мистер Пембрук всё ещё тосковал по супруге, и если можно превратить это знание в свой щит, то Элеонора так и поступит.

Ей понадобится любой доспех, какой только был в её распоряжении.

Остаточный страх всё ещё клубился внутри, когда зашло солнце. Духота душила, когда она поднималась по лестнице для слуг, и мухи кружили над головой. Библиотека могла бы успокоить её – но даже это место омрачалось памятью о мистере Пембруке.

Элеонора распахнула дверь в свою каморку и открыла окно так широко, как только было возможно. За стеклом простирался целый лес крыш и печных труб и был виден лишь клочок неба. Ясными утрами отсюда был смутно виден Гайд-парк, но сейчас дым из труб делал его не отчётливее зелёного пятна на горизонте.

Элеонора сняла платье и корсет – оба были уже слишком тесными для неё – и брызнула в лицо прохладной водой. Влажная от пота сорочка противно липла к телу.

– Элла? Ты не спишь?

В дверях стояла Ифе, сжимая в руке письмо. Увидев Элеонору в одной только нижней сорочке, девушка покраснела:

– Ох, господи, ты в рубашке! Прости, я зайду позже...

Элеонора подхватила шаль и набросила на плечи. Шерсть была колючей и жаркой.

– Вот. Если я буду в шали – ты же не возражаешь?

Ифе всё ещё выглядела смущённой, и Элеонора попросила подождать её снаружи, чтобы одеться – пусть даже казалось, что она задыхается всё больше с каждой застёгнутой пуговицей. Ифе вошла, как только она закончила, и передала Элеоноре письмо.

– О, это от твоей матушки! – сказала Элеонора, пробегая взглядом по странице.

Ифе коротко нервно кивнула:

– Пожалуйста, расскажи мне новости, прежде чем прочитаешь вслух. Лучше, если я сперва узнаю, что там.

Элеонора улыбнулась:

– Я всегда так и делаю, помнишь? Твоя матушка говорит, что у неё всё хорошо, и у Мэри, и у малышей тоже, и у Патрика, хоть она и не получала от него вестей с тех пор, как он отплыл.

– А это разве нормально?

– Думаю, да. Ведь ему не представится шанс отправить письмо, пока они не окажутся в порту. Спроси Дейзи – она точно знает. В любом случае, она говорит, что Майкл – простите, Мишель – держится и что тёплая погода хорошо влияет на его грудь. Он шлёт тебе свою любовь.

Ифе осела у кровати Элеоноры.

– Хорошо. А она не пишет, может быть, Мишелю что-то нужно?

Элеонора снова перечитала письмо. Его явно писал англичанин: по тому, как Ифе произносила имена своих домочадцев, Элеонора могла сказать, что тот, кто написал это, записал наиболее схожие варианты. Собственно, имя Ифе было написано как «Ева», хотя Элеонора никогда не говорила этого подруге. Она не хотела увеличивать дистанцию между Ифе и её семьёй, переименовывая её.

– У него всё хорошо.

Ифе испустила вздох облегчения и села у изножья кровати Элеоноры, уткнувшись подбородком в колени.

– Хорошо. Теперь можешь читать.

Элеонора села и начала читать письмо вслух, как подобает. Ифе смеялась над шутками своей матушки, охала над деревенскими слухами и краснела каждый раз, когда Элеонора зачитывала вопрос о мальчиках. Но, несмотря на все улыбки, в её глазах застыло странное печальное раздумье, удивлявшее

Элеонору. Если бы её брат не заболел – отправилась бы Ифе в Лондон вообще?

Ифе счастливо вздохнула, когда Элеонора дочитала письмо до конца.

– Спасибо, Элла. А мы сможем написать им ответ?

– Конечно. Что бы ты хотела им сказать?

Плечи Ифе поникли.

– Я... я не знаю. Но мне кажется... матушке лучше не знать о том, что случилось сегодня.

Элеонора вспомнила, как Лея стискивала калитку. Внутри что-то сжалось.

– Да. Думаю, лучше не надо.

Ифе уставилась на её голые ноги, выглядывавшие из-под подола платья.

– Хотела бы я рассказать ей о чём-нибудь. Что Лондон совсем не такой, как я представляла. Я думала, здесь будут леди в прекрасных платьях и поездки в Хрустальный Дворец. Захватывающие приключения.

– Ну, – Элеонора заставила свой голос звучать повеселее. – Давай что-нибудь придумаем.

– И солжём моей мама??

– Не солжём, – успокоила Элеонора. – Она ведь твоя мама и поймёт, что ты просто шутишь. К тому же мир всегда кажется красивее, когда о нём пишешь.

– Она правда поймёт?

– Конечно! Расскажи... расскажи ей, что буквально на днях ты встретила на улице принца Великих Моголов и он подарил тебе жемчужину размером с твою голову в благодарность за то, что ты указала ему дорогу к Букингемскому

дворцу. Только ты, конечно же, не приняла такой подарок, ведь ты – умная девушка и знаешь, что единственная достойная плата – это бриллианты.

Ифе робко улыбнулась:

– Я была бы не очень умна, если б отказалась от жемчужины размером с мою голову.

– Расскажи ей, что из дома выдающегося профессора улетела редкая яркая тропическая птица, – сказала Элеонора, проникнувшись темой беседы. – И теперь все голуби, воробьи и вороны на нашей площади окунаются в яркие краски всех цветов – от зависти!

Ифе захихикала:

– Но, Элла, так они никогда не полетят!

– Ну ладно. Тогда расскажи ей, что я сбежала с красивым русским боярином по имени Сергей. Нет, с двумя боярами. И они оба приехали в один и тот же вечер и были ужасно огорчены! Я сказала им, что выйду замуж за человека, который положит солнце в мою ладонь, и они оба топорщат усы от усердия, пытаюсь этого добиться.

– И кого же ты выберешь? – со смехом спросила Ифе.

Элеонора напустила на себя задумчивое выражение:

– Хм, зависит от ситуации. Который из них повыше ростом?

Ифе изобразила было возмущённое аханье, но не выдержала и рассмеялась.

– После того как ты устроила им столько хлопот?

– Разумеется! Что за бедолага не сумеет разгадать мою загадку, просто подняв руку? – Она протянула руку ладонью вверх так, что та оказалась у Ифе перед глазами. А потом девушка наклонила ладонь так, что та теперь находилась на одном уровне с крышами дома напротив, и сквозь грязное мутное стекло солнце

садилось прямо в её вытянутые пальцы.

Следующим утром Элеонора особенно остро ощущала отсутствие Леи – словно недостающий зуб. Она стояла на пороге комнаты подруги, глядя на кровать, с которой сняли бельё, на пустые ящики, всё ещё полуоткрытые, ведь Лея собиралась в спешке. Элеонора думала о том, что должна была сделать для неё гораздо больше. Должна была отдать Лее свой заработок или же похитить её, спрятать наверху – но теперь было слишком поздно. Она даже не знала, где Лея ночевала прошлой ночью. Задним умом ей теперь точно не поможешь.

Дейзи открыла дверь своей спальни, когда Элеонора проходила мимо. Густые чёрные кудри служанка унаследовала от своей матери родом из Вест-Индии – без шпилек они вились точно пружинки. Взгляд тёмных глаз метнулся к двери спальни Леи и обратно.

– С ней всё будет хорошо, – сказала Дейзи.

Элеонора вздохнула:

– Ты правда так думаешь?

– Ей будет непросто, – Дейзи зевнула, – но она справится. Послушай, Элла, будь добра, принеси немного воды с плиты? Волосы никак не слушаются. И миссис Филдинг мне устроит взбучку, если я это тотчас же не исправлю.

Элеонора кивнула и спустилась в кухню. Даже Лиззи молчала. Она не смотрела на место Леи за кухонным столом и ела кашу, не говоря ни слова, переводя взгляд с Элеоноры на Ифе. На лице Лиззи застыло странное расчётливое выражение, которому Элеонора не доверяла, и вот уже не в первый раз она задавалась вопросом, как же Лиззи продержалась все восемь лет, которые проработала в особняке Гранборо.

Без Леи работы стало больше, и её обязанности нужно было поделить между оставшимися девушками. Элеонора всё утро бегала вверх и вниз по лестнице: вниз в сад, чтобы вылить ведро для помоев, в гостиную, чтобы избавиться от пыли и мёртвых мух, вниз в подвал, где она обнаружила Ифе, рыдающую об

уходе Леи. Лицо девушки, залитое слезами, было перепачкано угольной пылью. Элеонора вывела подругу к насосу, заставила вымыть лицо и руки и привела Дейзи, чтобы та утешила Ифе. Она оставила обеих девушек в тени каретного сарая – те стояли, обнявшись.

Элеонора тем временем собрала хлеб и сыр для ланча, стоя спиной к двери, старательно делая вид, что не заметила, как Дейзи коротко поцеловала волосы Ифе. Обе девушки вернулись в дом пятнадцать минут спустя, всё ещё немного расстроенные. В заднюю дверь кто-то постучал.

Ифе утирала глаза, а Дейзи уже занялась делами, которые поручила ей миссис Бэнбёри, поэтому Элеонора отложила ланч, смахнула крошки и отперла.

Это был тот юноша, помощник мясника. Сейчас он казался выше ростом, чем когда стоял за прилавком.

– Добрый день, Златовласка, – приветствовал он с ухмылкой. – Вы получили заказ на эту неделю?

– Вам придётся обсудить это с миссис Бэнбёри. Позвать её?

Юноша подмигнул:

– Лучше не надо.

Элеонора отступила и повысила голос, чтобы другие услышали:

– Я не могу решать за кухарку, извините.

Девушка развернулась, но помощник мясника поймал её за рукав. Она вспомнила мистера Пембрука, синяки на руке Леи от пальцев и резко отдернула руку.

– Миссис Бэнбёри!

Юноша тут же вскинул руку, когда кухарка развернулась.

– Ладно, ладно! Не хотел тебя пугать. Я просто подумал, что такой прелестной девушке не стоит находиться одной...

Откуда-то из-за плеча Элеоноры раздался странный звук. Девушка обернулась и увидела Лиззи, стоявшую в центре кухни. В опущенной руке она держала выбивалку для ковра. Помощник мясника буквально вылетел за дверь, поднявшись по ступенькам в сад. Лиззи бежала за ним, крича: «Только попробуй вернуться сюда, Берти! Только попробуй!»

Миссис Бэнбёри отвела потрясённую Элеонору в кухню и усадила за стол.

– Ты в порядке, милочка?

– Я не хотела никому доставлять неприятностей.

Дейзи фыркнула, срезая верхушку луковицы:

– Тогда не стоило вам путаться с мальчишкой, да, мисс Элеонора?

– Думай, что говоришь! – рявкнула миссис Бэнбёри.

– Путаться? – непонимающе переспросила Элеонора, распрямляясь.

Они замолчали, обмениваясь многозначительными взглядами, и девушка наконец поняла, что имелось в виду.

– Неужели вы думаете, что я... – ахнула она.

– Нет, – отрезала миссис Бэнбёри, многозначительно посмотрев на Дейзи. – Мы так не думаем. И мы больше не будем об этом говорить.

– Ну, похоже, между ними сложилось какое-то особое понимание, – Дейзи усмехнулась. – Я бы никогда...

Миссис Бэнбёри со стуком поставила котёл на плиту:

– Я сказала: мы больше не будем об этом говорить!

Дейзи закатила глаза. Элеонора встревоженно посмотрела на ступеньки, ведущие в сад:

– Думаете, мне стоит пойти туда и объясниться?

– Не обращай на них внимания, – ответила миссис Бэнбёри. – Сами разберутся.

Элеонора вышла из кухни прежде, чем вернулась Лиззи.

Элла спряталась в столовой, приоткрыв окно, прислушалась. Из-за шума волынщиков, уличных торговцев, повозок и лающих на улице собак она не могла сказать, прекратила ли Лиззи кричать. Девушка посмотрела на часы – прошло полчаса. Конечно же, Лиззи и её любимый уже помирились.

Она смахнула пыль с обеденного стола и начала его полировать, справедливо рассудив, что её тревога вряд ли поможет Лиззи успокоиться побыстрее и лучше уж, если кто-то увидит её здесь, она будет при деле. Кроме того, в столовой всё ещё пахло вчерашним ужином. Жаркая тёмная комната, запах варёного лосося, малиновые занавески напоминали ей об Ионе, попавшем в утробу кита.

Полироль для мебели пахла достаточно резко, чтобы перебить запах давнишней рыбы. Тряпка скользила по столу, гладкому, словно лёд. Показался расплывчатый тёмный контур, и какое-то время ей казалось, что глаза обманывают её, пока она не узнала собственное отражение.

Дверь открылась и со стуком захлопнулась. Элеонора подняла взгляд и увидела Лиззи, схватившуюся за спинку стула так, что побелели костяшки пальцев. Её лицо горело гневом. Элеонора почувствовала, как внутри всё сжалось от паники. Никогда она не видела Лиззи в таком состоянии.

– Лиззи! Ты в по...

– Не стоит, – рыкнула Лиззи. – Не смей.

– Я просто...

– Ни одного чёртового слова больше! Ты и так уже испортила всё, что только можно!

– Лиззи, я не хотела. Я...

Та сухо рассмеялась:

– Ох, ну конечно, ты не хотела. Господи Иисусе, сколько раз ты уже прибегала к таким оправданиям!

Элеонора нахмурилась:

– Я не понимаю.

– Нет, – сплонула Лиззи. – Конечно же ты не понимаешь. Думаешь, я не помню, какой ты была, когда впервые здесь оказалась? Беспризорница, дикая зверушка, которую лучше было оставить в работном доме! Мы старались... Господи, как же мы все старались быть с тобой добрыми. Но ты была настоящим животным!

– Что?!

– Пиналась, кричала, царапалась и кусалась, как чёртова обезьяна! Половине из нас оставила фингалы и чуть ли не вскрыла шею миссис Филдинг! А когда закончила, хлопала глазами, глядя на хозяйку, и говорила ей, что ах, ты же не хотела.

Лиззи трясло. Она всё ещё крепко сжимала спинку стула, и тот дребезжал по полу.

– Но меня ты никогда не могла провести. Ты прекрасно понимала, что делаешь! Сейчас тоже прекрасно всё понимала!

Элеонора отбросила тряпку.

- Нет, я не хотела, чтобы всё так...

- Ты же знала, что мы с Берти гуляем вместе. Видишь?

Она оттянула ворот платья, сняла что-то с шеи и со стуком опустила на стол. Это было кольцо, висящее на прекрасной золотой цепочке.

- Ты хоть знаешь, что мне пришлось делать, чтобы это получить? Сколько раз мне приходилось глупо улыбаться его слабоумной старухе матушке? Сколько раз я закрывала глаза на его попойки? Я смирилась со всем, чёрт возьми, чтобы только выбраться из этого места. И я не позволю тебе забрать это у меня!

- Не думаю, что это я должна отвечать за поведение твоего любимого...

Лиззи пнула стул с дороги. Прежде чем Элеонора успела сбежать, служанка оказалась перед ней, занесла руку. Пощёчина оказалась жёсткой.

- Не смей мне огрызаться! Великая и могучая мисс Элеонора, вся из себя милостивая и прекрасная, точно чёртова царица Савская!

Элеонора отшатнулась:

- Успокойся, прошу тебя...

- Попридержи язык! Думаешь, ты лучше меня просто потому, что умершая женщина считала тебя особенной?

- Лиззи!

- Ну что ж, теперь её здесь нет, правда? И ничто не стоит теперь между тобой и им...

Элеонора похолодела.

- Следующей можешь оказаться и ты сама, - огрызнулась она.

Лиззи недобро усмехнулась:

– А как, ты полагаешь, я продержалась здесь всё это время, мисс Элеонора? Всё, что требуется, – это шепнуть кое-что в нужный момент в нужном месте. Пока есть какая-нибудь другая девушка, я в безопасности.

Элеонора не могла пошевелиться. Она думала о Лее, обо всех тех девушках, которые покидали особняк Гранборо, потеряв свою честь. Лиззи посылала всех этих девушек – и послала свою подругу – мистеру Пембруку. Она слышала рыдания, видела слёзы и всё равно посылала их всех к нему. Ужас сковал Элеонору, стиснул её горло.

Всё ещё ухмыляясь, Лиззи опустила руку.

– Берти вернётся через пару дней, – её голос звучал тихо, коварно, – и я прощу его, как всегда. Но для тебя будет уже слишком поздно. К концу недели хозяин вцепится в тебя когтями. Уж я об этом позабочусь.

Она резко вышла из комнаты. Кровь стучала в висках. Элеонора попыталась выдвинуть стул, чтобы сесть, но промахнулась, так сильно дрожали её руки. Вскоре она окажется в ловушке, на тёмном пути, полном унижений, с которого ей не сбежать. Мистер Пембрук сломает её, и Лиззи позволит ему это сделать.

В груди стало тесно, и дыхание сделалось поверхностным, прерывистым.

Нет, она не может этого допустить.

– Элла? Ты здесь?

Элеонора вскочила со стула, споткнулась, когда ноги подвели, и утёрла глаза. Другие не могли видеть её такой – бледной, опухшей, выжатой, словно старое кухонное полотенце. Если б Лиззи знала, что Эллу так легко напугать – то уже выиграла бы.

Ифе вошла в библиотеку с перьевой метёлкой для пыли, зажатой под мышкой, совком и щёткой в руках. При виде Элеоноры она ахнула:

– Что с твоим лицом!

Рука Элеоноры метнулась к пылающей щеке. Пальцы у неё всё ещё дрожали. От пощёчины Лиззи остался след – щека опухла и покраснела. «Десять лет службы не прошли даром, – с горечью подумала Элеонора. – Этот мальчишка-мясник ещё не знает, во что ввязался».

Ифе отложила щётки и начала осматривать полки.

– Здесь есть что-нибудь прохладное?

– Со мной всё хорошо, Ифе, – хрипло ответила Элеонора.

– Нет, – возразила Ифе, подхватила каминный совок и протёрла фартуком. – Он немного грязный, но сгодится.

Элеонора прижала холодный металл к щеке. Сначала касание показалось жалящим, но вскоре болезненная пульсация стихла.

– Спасибо.

Ифе закусила губу, и глаза у неё расширились в тревоге:

– Это Лиззи, да? Я видела, как она рванула вверх по лестнице сразу после того скандала.

Элеонора кивнула.

– Но ведь это не твоя вина! Я поговорю с миссис Филдинг, и она...

– Она ничего не видела, – ответила Элеонора, ощутив внезапную тревогу. – И Лиззи ведь здесь с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать. Её слово против моего.

– Я тебя поддержу!

- Ты тоже не видела, как всё было, Ифе.

- Но это несправедливо!

В окружении огромных книжных шкафов Ифе казалась крохотной. Солнечный свет обрисовал её веснушки, округлые щёки. Она казалась совсем ребёнком.

Элеонора попыталась улыбнуться:

- Всё будет хорошо. Просто поручи мне на несколько месяцев всю самую тяжёлую работу. Тогда я стану такой же сильной, как Лиззи, и она больше не посмеет поднять на меня руку.

Ифе тихо рассмеялась:

- Дейзи говорит, что как-то здорово ей врезала, прежде чем её назначили старшей горничной. С тех пор Лиззи её не беспокоила.

- Ну вот! Всё, что мне требуется, - это один хороший удар.

- Во всяком случае, в ближайшее время она такого не сделает. Миссис Филдинг срезала её плату за прогулки с тем юношей. Теперь она будет следить за своим поведением, иначе её уволят.

Элеонора не стала поправлять подругу. Миссис Филдинг ничего не станет делать. Чтобы найти служанку настолько же опытную, как Лиззи, потребуются месяцы. Мистер Пембрук снискал себе репутацию худшего развратника в Лондоне, и зарплата была далеко не такой высокой, чтобы разумная горничная перестала обращать внимание на выходки хозяина. Кроме того, Лиззи могла сделать нечто гораздо худшее, чем просто ударить. Понимание этого обвилось вокруг Элеоноры, точно змея. Лиззи уже сделала это с Леей и сделает то же самое с Ифе после ухода Элеоноры.

- Вот, - сказала Ифе. - Лиззи пошла за бельём. Спустись на кухню и посмотри, не выделит ли миссис Бэнбёри что-нибудь сладенькое.

Они вышли из библиотеки. Ноги у Элеоноры всё ещё немного подкашивались, и она вздрагивала от каждого скрипа.

До конца дня оставалось совсем немного.

Миссис Бэнбёри посмотрела на опухшую щёку Элеоноры и протянула ей кусочек медовых сот. Элеонора отломилла немного для Ифе, а свою порцию съела, сидя за кухонным столом. Дейзи, строгавшая картошку, сочувственно фыркнула и постучала пальцем по виску.

- Целься сюда, - сказала она. - Одного хорошего удара хватит.

Все взгляды обратились к миссис Бэнбёри, но кухарка ничего не сказала.

Когда Элеонора закончила с сотами, то поднялась на третий этаж, чтобы прибраться в спальнях. Чарльза не было, и использовалась сейчас только спальня мистера Пембрука. Элеонора прислушалась, стоя у двери, прежде чем войти. Сердце гулко билось в груди.

В комнате никого не оказалось, не считая ручной канарейки мистера Пембрука, которая щебетала и билась крыльями о стенки своей большой, богато украшенной клетки. Напряжение немного отпустило. Элеонора расправила простыни на постели, бросила тряпку на дно птичьей клетки, запихнула рубашки обратно в комод и сунула галстуки в ящик. На подушке лежало несколько писем от Чарльза - все с европейскими почтовыми марками, - но девушка не осмелилась их прочесть, хотя искушение сделать это при виде знакомого округлого почерка было велико. Её страх потерял остроту, но после угроз Лиззи достаточно было просто оказаться в комнате мистера Пембрука, чтобы по коже побежали мурашки.

Закончив, Элеонора вылетела из комнаты и поспешила к лестнице для слуг. Она вернулась на кухню, где все служанки, кроме Лиззи, копались в кусочках холодного отварного языка и картофеля.

- Ты как раз вовремя, - сказала Дейзи, наполняя тарелку для Элеоноры. - Его Первейшество почти допили чай.

Миссис Филдинг отложила нож и вилку.

– Ты говоришь о хозяине этого дома, Дейзи. Прояви уважение!

Миссис Бэнбёри указала вилкой через стол:

– Дейзи – моя помощница, Берта. Оставь её воспитание мне.

Миссис Филдинг фыркнула:

– Ну, мои девочки не посмели бы так отзываться о хозяине.

Элеонора сунула в рот большой кусок картофеля, прежде чем сказать то, о чём потом могла бы пожалеть. Ела она быстро. Лиззи прислуживала мистеру Пембруку за ужином, и Элеонора не хотела оказаться там, когда он закончится. Что-то внутри сжалось. Даже сейчас Лиззи будет подливать мистеру Пембруку вино и расписывать Элеонору самыми привлекательными красками. Девушка с лёгкостью могла представить это. «Элла, сэр? О, с ней всё будет очень просто и быстро...»

Отодвинув тарелку, Элеонора бросилась вверх по лестнице для слуг. Та была пустой, узкой, скудно отделанной, как и все помещения для прислуги, но здесь она была в безопасности. Мистер Пембрук был джентльменом – он не пойдёт за девушкой через обитую зелёным сукном дверь. Между лестницей, кухней и спальнями для прислуги на чердаке Элеонора могла исчезнуть в дешёвом оштукатуренном лабиринте быстрее, чем кролик.

Но вот Лиззи – совсем другое дело.

Внизу скрипнула ступенька, и Элеонора резко обернулась через плечо. Дверь на первый этаж открылась, и девушка смутно разглядела тень Лиззи, гружённой тарелками. Прежде чем Лиззи заметила её, Элеонора рванула через дверь и устремилась на третий этаж.

Там она остановилась. На третьем этаже расположились спальни, и Элеонора замерла у двери той, что когда-то принадлежала ей. Она убеждала себя, что прислушивается к звуку шагов вниз, но внутри слышала голос миссис Пембрук:

«А это будет твоя комната, дорогая Элеонора». Отчётливо девушка видела перед собой руку миссис Пембрук с длинными пальцами, поворачивающую ручку двери, и поблёскивающее сапфировое кольцо.

Ах, и что это была за комната! Элеонора мало что помнила о доме, в котором жила до приезда в Гранборо. Теперь на ум приходили лишь вспышки: ведро с углём, которое треснуло, просыпав содержимое прямо ей на ноги. Щелочное мыло, обжигавшее руки, когда она пыталась что-то вычистить с половиц. Железная кровать, вжимавшаяся ей в спину. Но каким бы ни было то место – оно меркло в сравнении с этой комнатой. Миссис Пембрук открыла дверь в яркую красивую спальню, которую обставила специально для Элеоноры. Светлые занавески на окнах, украшенный цветами кувшин на умывальнике, мягкие белые простыни на кровати, где миссис Пембрук потом читала девочке «Рапунцель» и «Спящую красавицу» своим мягким мелодичным голосом. Атласные и шёлковые платья пастельных тонов в комоде, обои с розами на стенах, а возле кровати – небольшой квадрат ковра, где Элеонора молилась каждую ночь. Вся комната казалась мягкой, окрашенной в оттенки нежные, как восход солнца, и её содержимое казалось хрупким, точно яичная скорлупа.

Руки Элеоноры задрожали, когда она открыла дверь. Спальня была почти такой, какой девушка её оставила.

Ставни были наглухо закрыты, а шторы обвисли от пыли. Кровать была накрыта чехлом, занавеси на балдахине – сложены в коробки на чердаке. Умывальник всё ещё был на месте, хотя кувшин и таз исчезли вместе с ковром, оставившим на полу бледный деревянный квадрат, похожий на тень. Элеоноре разрешили оставить бельё – она всё ещё носила его даже спустя три года, хотя и расшивала сорочку. Весь остальной её гардероб был распродан.

«По крайней мере, обои остались прежними», – подумала девушка.

В оцепенении она скользила по комнате. Вот здесь, в этой самой комнате, она примерила свой первый настоящий корсет. Миссис Пембрук сама зашнуровала его, убедившись, что тот плотно прилегает к сорочке, и велела Элеоноре не беспокоиться, если будет немного жать. Ах как гордилась тогда Элла, что получила первый настоящий предмет женской одежды! Корсет помог ей держать плечи ровно и плотно прилегал к её талии. Даже стоя в нижнем белье, она чувствовала себя такой взрослой, а когда повернулась к миссис Пембрук, гордо расправив плечи, на глаза у женщины навернулись слёзы.

Она всё ещё носила тот корсет, пусть спустя столько лет он уже стал ей маловат.

Элеонора обняла себя за плечи, чувствуя, как колется жёсткая ткань форменного платья. Тени, казалось, навалились на неё, душили. Она вышла из комнаты с подступившим к горлу комом и, поникнув, вернулась на лестницу для слуг, зная, что обнаружит в своей крохотной камерке. Стены, покрытые пятнами плесени от сырости. Соломенный матрас, шуршавший от каждого движения во сне. Треснувший кувшин на умывальнике и потёртый комод. Серое колючее покрывало на кровати.

Она открыла дверь...

В комнате царил хаос.

Вывернутые ящики комода валялись на полу. Чулки кто-то порвал надвое. Огромные полосы ткани были оторваны от воротников её платьев, а нижнее бельё – полностью разорвано. Её набор для шитья был пуст, и иглы рассыпались повсюду. Даже одеяло было покрыто отпечатками ботинок.

Элеонора вспомнила, как Лиззи вышла из столовой несколько часов назад, и поняла, что? та сделала.

Дыхание перехватило. Кошель!

Элеонора рылась в беспорядке. Иглы скользили по тыльной стороне рук. Кошель должен был быть здесь! Лиззи не могла забрать его, ведь так? Нет, не могла. О, если бы она в раздражении нашла кошель и услышала звон монет...

В панике Элла отбросила чулки. Её буквально трясло. Она перевернула пустой ночной горшок, залезла под комод, заглянула в каждый карман и даже в мышиную нору в углу комнаты.

Денег не было.

Всё накопленное исчезло.

Заработок за все три года украли. Элеонора так бережно копила деньги! Припускала подол всех своих платьев. Распускала швы, используя нитки заново. Из покупок она позволяла себе разве что горячие булочки с крестом[7 - Булочка с крестом, крестовая булочка – традиционный пасхальный хлеб, употребляемый в Великую пятницу в Англии, странах Британского содружества, Чехии и Германии. (Прим. ред.)] – а теперь все деньги исчезли.

Лиззи сделала это, чтобы помешать ей сбежать из особняка. Элеонора поднялась. Нет, она не могла просто позволить Лиззи остаться безнаказанной! Одно дело пощёчина, но такое?! Нет! Никому она не позволит обращаться с собой так и потакать гордости Лиззи.

Бегом Элеонора спустилась по лестнице для слуг, помчалась через кухню, миновала прачечную и остановилась перед комнатами миссис Филдинг. Она стучала и не останавливалась, пока экономка не отозвалась.

– Элла? – встревожилась миссис Филдинг. – Всё в порядке?

– Кто-то побывал в моей комнате, миссис Филдинг.

Экономка вздохнула, почесала длинную переносицу:

– У меня нет времени разбираться с мелкими ссорами. У меня, знаешь ли, очень много дел, и...

Элеонора чувствовала нарастающую бурю внутри и вот-вот готова была расплакаться.

– Вы не понимаете! Весь мой заработок исчез... весь!

Лицо миссис Филдинг стало жёстче:

– Ты выдвигаешь серьёзные обвинения, Элла. Ты уверена, что посмотрела везде?

– Конечно же, я уверена!

– Так, следи-ка за своим тоном! – резко ответила миссис Филдинг. – Иди и обыщи всю свою комнату, убедись, что посмотрела везде. Если не сможешь найти – я помогу тебе, и мы поставим этот вопрос перед хозяином.

Элеонора похолодела. Она прекрасно знала, как всё будет. Сначала миссис Филдинг будет с ней, но не останется надолго, ведь всегда что-нибудь требует внимания экономки. А когда дверь за ней закроется и Элеонора останется в комнате, у неё не будет другого выбора, кроме как слушаться мистера Пембрука; она не сможет уйти, ведь у неё ничего нет. Нет родственников, которые приняли бы её. Нет рекомендаций для поиска другой работы, а теперь и денег, чтобы снять даже самую дешёвую комнатку. Если она покинет особняк Гранборо, то будет спать в ночлежках в Уайтчепеле[8 - Уайтчепел – бедный исторический район Лондона. Знаменит тем, что именно здесь в XIX веке якобы происходили убийства, приписанные Джеку Потрошителю.] и Олд Николе, на каком-нибудь старом гамаке, потому что это дешевле, чем кровать. И придётся попрошайничать или того хуже.

Миссис Филдинг наблюдала за ней. Острый взгляд тёмных глаз скользил по лицу Элеоноры. Губы были сжаты в тонкую линию в выражении явного неодобрения, челюсти – стиснуты.

– Или ты предпочтёшь не обсуждать это с хозяином, – сухо сказала она. – Знаешь ли, рассказывать сказки в твоём возрасте уже совсем не подobaет.

– Но я...

– Довольно, Элла! Иди спать. У меня был длинный день, и не нужно делать его ещё длиннее.

С этими словами она захлопнула дверь. Некоторое время Элеонора просто смотрела на дерево, с которого за долгие годы уже сошёл лак, потом вернулась на лестницу для слуг. Казалось, из неё словно выскребли что-то важное, и внутри всё болело, жгло.

Она ничего не могла сделать. Миссис Филдинг не верила ей. И если была на свете справедливость, украденные монеты будут жечь, как раскалённые угли, и руки воровки Лиззи обгорят, если она попытается потратить эти деньги.

Но так ведь не будет. Лиззи забрала её деньги, и теперь у Элеоноры не осталось ничего.

Она отворила дверь в свою комнатку, посмотрела на алый закат за окном, подавив желание закричать.

Библиотека. Ей нужно было в библиотеку!

Элеонора бежала по коридорам, залитым лунным светом, сжимая в руках ключ от библиотеки. Слезы душили её. Ей так нужны были её книги, уютное кресло, дверь, запирающаяся на замок. Каким-то образом ей нужно было сбежать из особняка Гранборо, пусть даже в воображении.

Когда она вбежала в библиотеку, ноги заскользили по ковру. Постаравшись не хлопнуть дверью, девушка заперлась и привалилась спиной к ней, тихо всхлипывая, зажав рот ладонью. Нельзя было, чтобы её услышали. Она не позволит никому забрать у неё эти мгновения, когда уже и так потеряла слишком много.

Элеонора прошла вдоль полок. Сказки? Нет, сказки – для детей, а ей больше не позволят оставаться ребёнком. Путеводители? О, это было бы просто идеальной пыткой. Книга мучеников? Девушка чуть не рассмеялась. Её мысли металась от темы к теме, и каждая из них казалась неправильной. Никто из этих авторов не поможет ей забыться сегодня – всех их она читала прежде.

«Господи, – подумала Элеонора. – Неужели эта библиотека так и будет единственным моим спасением?»

Тошнота подкатила к горлу. Дрожа, Элеонора прислонилась к одному из книжных шкафов и с силой ударила себя по лицу. Она не могла позволить себе потерять контроль. Если кто-то услышит её – мистеру Пембруку тотчас же донесут. Нет, она не позволит им забрать у неё это место.

Прижавшись лбом к прохладному дереву, девушка заставила себя сделать глубокий вдох. Лиззи ограбила её, отрезав путь к самому лёгкому пути побега. Что ж, завтра она обыщет комнату Лиззи и заберёт все деньги, какие только там

найдёт. Безумный план воплотится в жизнь. Она могла украсть лауданум[9 - Лауданум – опиумная настойка на спирте.] из кухонного шкафа и подлить по несколько капель в каждый графин в доме. Совсем немного – ровно столько, чтобы мистер Пембрук был как в тумане. Если её поймают, то обвинят в отравлении работодателя и опекуна. Если поймают, её могут повесить. До этого самого мига казалось, что риск того не стоит.

Элеонора всё ещё дрожала, но дыхание стало ровнее, да и желудок начал успокаиваться. Ключ от библиотеки оставил на её ладонях глубокие бороздки – девушка заставила себя отложить его в сторону. Завтра она приведёт свой план в действие. Всё, что ей нужно было сейчас, – пережить эту ночь. Уж несколько следующих часов она как-нибудь продержится.

Что-то привлекло её внимание.

Маленькая незнакомая чёрная книга лежала на краю её любимого кресла. Элеонора тут же подхватила книгу – то, что нужно! Никогда прежде девушка не видела её, а ведь прочитала всё, до чего только могла дотянуться. Книга была не больше её ладони. Кожаный переплёт чуть погнулся от времени. Книга идеально ложилась в руки, прохладная посреди удушающей жары.

Элеонора опустилась в кресло, и книга скользнула к ней на колени. Прикрыв глаза, девушка сжимала подлокотники кресла, пока наконец не перестала чувствовать себя загнанной жертвой. А когда руки начало сводить судорогой, она открыла глаза, подняла книгу и заставила себя прочесть:

– Трагическая иф... история Жизни и Смерти Доктора Фауфта. Фауста.

Девушка нахмурилась, глядя на книгу. Если буква «с» будет похожа на букву «ф» по всему тексту, Элеонора вряд ли сумеет продвинуться далеко в чтении. Она посмотрела на фронтиспис[10 - Фронтиспис – рисунок, размещаемый на одном развороте с титулом на чётной полосе. Обычно рисунок фронтисписа не имеет подписи, но иногда вместо подписи дают автограф автора.]. Внутри магического круга стоял приземистый человечек в треугольном наряде, тыкая книгой в нарисованное существо. Чернила растеклись по бумаге, скрыв создание в тёмной дымке. Элеоноре показалось, что она заметила рога.

Она устроилась и начала читать. Ритм слов убаюкивал её, точно колыбельная, пока Фауст собирался призвать своего демона и мечтал обо всех сокровищах, которые тот подарит ему. Элеонора знала, что такая история не могла закончиться хорошо. Она прочитала достаточно сказок и знала, что если продаёшь душу Дьяволу, редко когда дальше тебя ждёт «долго и счастливо». Праведные будут вознаграждены, нечестивые – наказаны, как и должно, но пока она будет наслаждаться, в волнении наблюдая за людьми, вкушавшими запретный плод. Её тело расслабилось, и Элеонора откинулась на спинку кресла. Перед ней распахнулась вся бесконечность возможностей, которую даровало волшебство. В какой-то миг она зацепилась пальцем о страницу, когда переворачивала, и порезалась. Капелька крови набухла, и прежде, чем девушка заметила, она уже размазала кровь по изображению чудовища на фронтисписе.

Элеонора сунула палец в рот и вернулась немного назад по тексту, чтобы перечитать.

«Смогу ли я незримых духов слать

За чем хочу, во все концы земли?

Я прикажу все тайны мне открыть,

Осуществлять все замыслы мои

За золотом мне в Индию летать,

Со дна морей собирать восточный жемчуг,

И, обыскав все уголки земли,

Чудесные и редкие плоды

И царские мне яства приносить!..»[11 - Кристофер Марло «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста», Перевод Н. Н. Амосовой.]

Элеонора прикрыла глаза. Попросила бы она о подобном, если бы в её распоряжении оказался такой могучий слуга? Золото. Бриллианты. Целые горы украшений, так много, что надень она их все – не сумела бы подняться на ноги. Ковёр-самолёт, на котором она могла бы облететь весь мир и увидеть дворцы Индии и пирамиды Египта. Она бы парила над лесами и океанами, проносящимися под ней вспышками зелёного и синего, а по ночам она бы возвращалась в черноту неба и спала в гнёздышке из звёзд. С таким слугой она

бы обернула вокруг себя всю вселенную, точно плащ, облачаясь в радугу и лунный свет и в сияние мыльных пузырей и тысячу других невозможных вещей.

Когда Элеонора открыла глаза, напротив неё сидела женщина. Светло-каштановые волосы незнакомки, припорошенные серебром, были собраны в тугий пучок. Она была средних лет, пухленькая – не высокая и не приземистая. Узорное ситцевое платье казалось мягким и чистым. И в целом женщина выглядела бы совершенно обычной, если бы не глаза – чёрные, точно дыры.

– Надеюсь, я тебя не потревожу, – проговорила незнакомка. Её голос был мягким и казался знакомым.

Ключ лежал на подлокотнике кресла Элеоноры, где она его и оставила. Дверь была заперта. Она знала, что в библиотеке никого не было, когда запирала. Элеонора заморгала, но черноглазая женщина никуда не исчезла.

Её всё-таки обнаружили! Черноглазая, должно быть, пряталась в тених всё это время, когда Элеонора пришла сюда, ослеплённая своими слезами. Девушка подхватила ключ и спрятала под сиденье. Сердце неистово колотилось. Это мистер Пембрук привёл сюда незнакомку? Что же ей теперь делать?

– Вас здесь быть не должно, – проговорила Элеонора.

– Ну, моя дорогая, – женщина ласково улыбнулась. – Если уж на то пошло, то и тебя здесь быть не должно.

Элеонора почувствовала, как тепло буквально вытекает из неё, и никак не могла отвести взгляд от чёрных матовых глаз женщины. Они были совершенно пусты, словно кто-то продырявил глаза у портрета на картине.

– Не беспокойся, Элеонора, я лишь желаю поговорить с тобой, – сказала незнакомка.

Элеонора прижала книгу к себе, точно щит.

– Откуда вы...

– Милое дитя, я знаю великое множество вещей. Я знаю, что твоё имя – Элеонора Роуз Хартли. Я знаю, что в прошлом месяце тебе исполнилось семнадцать. Знаю, что привело тебя сюда. Тебе и в самом деле есть о чём тревожиться, но это ты и так знаешь. Твоё падение уже началось.

Черноглазая незнакомка словно вскрыла её череп и покопалась в мыслях. Страх выпустил щупальцы, обвившие девушку.

– Вас послал мистер Пембрук? – прошептала она. – Я ничего не сделала. Почти ничего.

Женщина вздохнула:

– Моя дорогая, неужели ты обо мне такого плохого мнения! Я пришла, чтобы помочь тебе. Тебе нужна защита, Элеонора, – особенно теперь, когда Лиззи Бартрам забрала деньги из верхнего ящика твоего комода. Что ты будешь делать, когда в твоём чреве окажется ребёнок, а тебе нечем будет заплатить даже за крышу над головой?

Элеонора уставилась на черноглазую. Откуда та могла знать, что Лиззи её обокрала?! Девушка ведь не упомянула имя Лиззи даже в разговоре с миссис Филдинг.

В полумраке невозможно было сказать, сколько теней было у незнакомки. Казалось, их то три, то семь, то одна, то слишком маленькая для своей хозяйки. Элеонора снова сморгнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Черноглазая женщина сидела всё там же, в мягком кресле, и успокаивающе улыбалась. А вот тени исчезли. Элеонора расслабилась. По крайней мере, это она могла принять.

– Я не верю, что вы – настоящая, – сказала девушка наконец.

Женщина рассмеялась:

– Надо же! А я думала, ты так обрадуешься, когда призовёшь меня. Не обычным способом, конечно, – добавила она, когда Элеонора попыталась было поспорить, – но думаю, ты уже сама догадалась, – незнакомка кивнула на книгу на коленях девушки.

Элеонора растерянно пролистала книгу и увидела пятнышко крови на фронтисписе.

- Это? Не понимаю. Это ведь просто пьеса.

- А сказки - всего лишь истории, а вовсе не уроки для разумных детишек и не пути побега для девушек, которым больше некуда бежать. Ничто никогда не является простым, моя дорогая. Если бы это было так, то ты сама была бы просто служанкой.

Элеонора оцетинилась и потрясла книгой перед черноглазой незнакомкой:

- Это - пьеса. Актёры постоянно говорят эти слова, и ничего не происходит. Не хотите же вы сказать, что появляетесь на каждой постановке «Фауста»?

- Что ты, конечно же нет. Тогда я бы совсем ничего не успевала. Но ты права. Четыре года назад, когда ты была совершенно довольна жизнью, я бы никогда не имела удовольствия познакомиться с тобой, даже если бы ты произнесла эти слова на латыни при свете полной луны. Мне нужно кое-что посильнее. Кровь, конечно же. И желание. В этом вся суть магии. А желаешь ты очень многого - разве нет, Элеонора?

Девушка поёрзала в кресле, избегая взгляда чёрных глаз. Да, Элеонора вся буквально состояла из желаний! Хорошая еда, тёплая мягкая постель, горячие ванны и прекрасная одежда, простое удовольствие от того, что впереди ждал день, который не будет полон тяжёлых трудов. А ещё - чтобы матушка и миссис Пембрук снова были сильными и здоровыми и забрали бы все её тревоги. Элеонора старалась быть хорошей, доброй, но у неё было столько желаний, что те буквально пожирали её изнутри.

Черноглазая незнакомка подалась вперёд:

- Я могу помочь тебе покинуть это место.

- Я могу...

– Сбежать сама? Конечно же, можешь. Но когда? И как? Как думаешь, в каком ты окажешься положении, когда покинешь особняк Гранборо?

Элеонора вспомнила Лею, удерживавшуюся одной рукой за садовую калитку. Вспомнила то ужасное выражение на лице подруги. Нет, чего бы ей это ни стоило – она не уйдёт отсюда так же, как Лея.

– Но я могу предложить тебе гораздо большее, чем те скудные заработки, которые ты скопила. Их едва хватит на несколько месяцев. Нет, я предлагаю тебе безопасность. Свободу. Шанс увидеть мир. Тебе не придётся годами экономить и уворачиваться от чужих блудливых рук. Ты могла бы уйти, когда захочешь и с чем только захочешь.

Затылок Элеоноры зачесался. Ей пришлось побороть желание оглянуться через плечо.

– Вы просите меня что-то украсть?

Женщина снова рассмеялась:

– Какая же ты милая. Нет. Можешь быть настолько законопослушной, насколько желаешь. Но у тебя будет власть. Впервые за всю твою жизнь – настоящая власть. Готова поспорить, прежде тебе такое было недоступно.

Власть. Это слово казалось таким незнакомым, даже когда Элеонора произносила его в голове. Тёмное, крепкое слово, навевавшее мысли о кольцах дыма, вьющегося над дорогими сигарами.

– Что вы имеете в виду? Какая власть?

– Я хочу предложить тебе сделку. Я подарю тебе семь желаний. Чего бы ты ни попросила – я исполню это. Ограничений совсем немного.

– Желаний? Я уже давно перестала верить в фею-крёстную.

Глаза женщины сверкнули:

– Может, тебе стоило бы верить чуточку покрепче.

Незнакомка прищёлкнула пальцами. Книжечка, лежавшая на коленях Элеоноры, вспыхнула в огне. Девушка отшатнулась, прежде чем поняла, что жара не было. Языки пламени лизнули её пальцы, когда она потянулась за книгой, но когда коснулась – огонь исчез. И пальцы её остались чистыми – ни сажи, ни пепла. Книга показалась влажной на ощупь. Подгнившей. Мысли сковало новым страхом: что за существо способно было сделать такое?

Очень медленно она отложила книгу. Женщина всё ещё улыбалась:

– Не волнуйся, дорогая. Я никогда не причиню тебе вреда. Но я надеюсь, ты понимаешь, что говорю я совершенно серьёзно. Я в самом деле могу даровать исполнение желаний. И твои я тоже могу исполнить, если ты позволишь.

Пугающая уверенность охватила Элеонору, как морозный узор охватывает стекло.

– А чего вы попросите взамен? – спросила она, уже зная ответ.

Взгляд женщины метнулся к книге.

– Возможно, мне стоило позволить тебе прочесть дальше. Твою душу.

– Что? Нет, я... нет!

– Я вполне разумна, – мягко добавила женщина. – Я заберу свою плату, лишь если ты загадаешь все семь желаний. Я вовсе не хочу тебя обманывать, моя дорогая.

Элеонора уставилась на книгу. Она была почти уверена, что, как только поднимет взгляд, черноглазая незнакомка уже исчезнет. Некая часть её надеялась, что так и будет. Эта женщина знала секреты Элеоноры, но, конечно же, она не могла быть реальной. И эти её тени, извивающиеся вокруг, точно фамильяры ведьмы. Но когда девушка посмотрела перед собой, черноглазая всё ещё сидела там, молча улыбаясь.

Её душа взамен на семь желаний. Чем она станет без души? Где вообще хранилась её душа и заметит ли она, если та исчезнет? Это ведь не палец потерять, и не глаз, и даже не локон волос – тут Элеонора хотя бы понимала, каково ей будет без этого. Но если она обменяет собственную душу – чем она станет?

Душа...

– Почему вы предлагаете мне эту сделку?

Черноглазая незнакомка развела руками:

– Разве это имеет значение? Только подумай, моя дорогая, – она протянула Элеоноре руку, – ты будешь в безопасности, в тепле, сытая. Сможешь оставить все свои заботы позади. Всё, чего только ни пожелаешь, будет твоим. Всё что угодно.

Рука черноглазой женщины была совершенно гладкой. На её ладони не было линий, а на подушечках пальцев – мозолей. Руки самой Элеоноры были все в царапинах – свежая паутина покрывала костяшки, а пальцы шелушились. Это были руки старухи, а ведь ей было всего семнадцать.

Всё, чего она ни пожелает...

Ей не придётся разделить судьбу Леи. Она сможет найти подругу, дать ей безопасное место, чтобы восстановиться. Она помешает Ифе пройти по тому же пути. Она сможет уберечь своих друзей! И не только.

Мягкая тёплая постель. Крыша, которая не протекает. Горячая вкусная еда каждый вечер – еда, которую никто не выбьет из рук. Не будет больше пульсирующей боли в коленях от постоянного мытья полов. Не будет колючей формы, от которой чешется все тело. И не будет мистера Пембрука.

Она станет леди – настоящей леди, как и хотела миссис Пембрук! Она будет в безопасности, в тепле, сытая, хорошо одетая, и это будет только началом. Она сможет побывать во всех тех местах, о которых только читала, и оказаться дома в мгновение ока. Не будет больше для неё закрытых дверей, не будет тайн,

которые она не сумеет разгадать, и где бы она ни оказалась, все будут обожать её.

Незнакомка по-прежнему протягивала ей открытую ладонь, словно мать, ждущая, когда её дитя подойдёт к ней. Элеонора взяла протянутую руку, и на миг показалось, что та дрогнула.

– Элеонора Роуз Хартли. – Улыбка черноглазой женщины истаяла. – Я всегда буду с тобой. Я дам тебе всё, что ты пожелаешь, тебе стоит только попросить. Ты сможешь воспользоваться этим даром семь раз, но после твоя душа будет принадлежать мне. Ты понимаешь?

Тишина окутала их.

– Да, понимаю.

– И ты соглашаешься на это по своей свободной воле, зная цену, которую придётся заплатить?

– Да.

– Что ж, Элеонора Роуз Хартли, отныне я служу тебе.

Элеонора резко проснулась. Она всё ещё сидела в кресле в библиотеке, уронив голову на спинку. Книжка всё так же лежала у неё на коленях, а свеча догорала. Лунный свет, пробивавшийся сквозь щель в шторах, казался грязноватым. Всё было ровно так, как она помнила, только черноглазая женщина исчезла.

Девушка потянулась, разминая затёкшую шею, и поставила книгу обратно на полку. Обычно она была очень осторожна и старалась не засыпать в библиотеке – здесь ей снились странные сны. Робко она коснулась пуфика, на котором сидела незнакомка, – тот оказался холодным. Плечи Элеоноры поникли. Всё это было лишь сном...

Элеонора задула свечу и отперла дверь библиотеки. Она знала, что должна вернуться в постель прежде, чем её кто-нибудь увидит, но вместо этого тихо

подошла к окну. Тяжёлые парчовые занавеси стелились по полу, и вышивка мерцала в лунном свете.

Библиотека располагалась в передней части дома, двумя этажами выше вестибюля. Из окна Элеонора видела пустую улицу, все цвета которой сейчас украла темнота. На бархатном небе, точно новенький шиллинг, блестела луна, изменяясь под вуалью дыма. В лунном свете красные вспухшие руки Элеоноры казались бледными и чистыми, а волосы стали золотыми. Она подумала, что если сейчас кто-то пройдёт по улице, то увидит её – сияющую в окне девушку, словно выточенную из драгоценных камней. Но снаружи никого не оказалось – лишь одинокий кот крался по улице из тени в тень.

Откуда-то из глубины поместья Гранборо часы пробили полночь.

В серебристом свете Элеонора увидела библиотеку, какой та была когда-то. Днём ковёр выглядел блёклым, а в углах выросла паутина – слишком высоко, чтобы служанки могли дотянуться до них, – но лунный свет скрадывал все эти детали. Цвета смягчились, трещины на кожаных креслах были совсем незаметны, а тёмное пятно в том месте, где кочерга упиралась в камин, было лишь тенью. Луна показала комнату такой, какой та должна была быть, и саму Элеонору тоже. Её плечи больше не сгибало бремя проблем. Её руки выглядели чистыми и гладкими. Мельком она увидела своё отражение в огромном зеркале и поразилась яркой голубизне собственных глаз, сверкающих в лунном свете. Она выглядела так, словно могла всё.

Элеонора облизнула губы.

Она попыталась убедить себя, что это была плохая идея – ведь случившееся было всего лишь сном. Загадать желание – лишь раззадорить надежды, и ради чего? А если всё это не было сном – что вряд ли, – то она, получается, продала собственную душу. И она читала достаточно сказок, чтобы понимать, что сделки такого рода не так легко расторгнуть. Но вкрадчивый голосок где-то на задворках разума нашёптывал: разве не было много историй о людях, достаточно умных, чтобы провести самого Дьявола? Разве она, Элеонора, не была такой же сообразительной и прыткой, как они? Всё, что ей нужно, – это не загадывать последнее желание. Уж на это-то у неё хватит здравого смысла!

Элеонора отошла от окна. Она долго читала и мечтала о волшебстве. Она представляла, как воспарит над всеми грязными обыденными вещами, надёжно укутанная в облака и звёздный свет. Никогда ей не казалось, что взлететь будет страшно. Может быть, она всё ещё была во сне. Да, так было бы даже легче. А если так – то чего ей бояться?

Она протянула руки перед собой, точно фокусник, собирающийся сотворить заклинание. На долю секунды Элеонора увидела руки матери вместо своих – у той тоже были такие же сильные ловкие пальцы, такие же овальные ногти. Элеонора крепко зажмурилась и отбросила эту мысль, прежде чем вспомнить, как железный каркас кровати прижимается к спине. Ей нечего бояться.

Элеонора сотворит себе сказку. Она может создать что-то драгоценное и чудесное из ничего – что-то совсем небольшое для начала. И когда она сумеет создавать красоту и надежду одним только словом, жизнь её окрасится яркими блистательными красками и больше никогда ей не придётся думать о том, кем она была прежде и что оставила за спиной.

В библиотеке воцарилась тишина – не молчание спящего города, перемежающееся далёким эхом мюзик-холлов и грохотом каретных колёс по брусчатке. Нет, то была самая настоящая тишина, в которой, казалось, ждало нечто.

Элеонора откашлялась и закрыла глаза.

– Я желаю, – начала она, и голос её казался слишком тихим в этом молчании. – Желаю пару туфельек цвета лунного сияния.

Что-то изменилось. Миг абсолютной тишины опустился на плечи Элеоноры, точно саван. В воздухе парили пылинки. В горле она чувствовала собственное застывшее дыхание. А потом её охватило странное ощущение – покалывание, притяжение.

Девушка открыла глаза и посмотрела вниз. Туфельек не было.

Элеонора вздохнула. Все её надежды угасли.

На следующее утро девушка проснулась с таким чувством, словно вообще не спала. Шею светло, и всё тело болело. Кусочек тёмно-синего неба был едва виден сквозь щель в выцветших красных занавесках.

Элеонора застонала. Почему же всё так болело? Она не могла вспомнить, как оказалась в постели. Споткнулась на лестнице для слуг? Ступеньки были крутыми и неровными – легко оступиться. А может, она сидела, разбирая свои разорванные вещи, пока не свалилась от усталости и не уснула. Правый бок болел сильнее. Возможно, на него она и приземлилась. Элеонора села, морщась, потянулась и протёрла глаза. Если б только...

Девушка замерла. На полу что-то блестело.

Элеонора свесилась с кровати, и рот у неё приоткрылся, а дыхание перехватило. Танцевальные туфельки из блестящего серебристого атласа, отделанные голубым шёлком – таким бледным, что тот казался ледяным, – аккуратно устроились на грубом деревянном полу её каморки.

Элеонора не могла отвести глаз. Нет, она, наверное, всё ещё спит! Конечно же, этого просто не могло быть. Загадать желание в залитой лунным светом библиотеке – одно, но ведь её комнатуха с голыми половицами и пятнами плесени была слишком обыденной для настоящего волшебства.

Девушка протянула дрожащую руку. Её пальцы пройдут сквозь эти туфельки или приклеятся к ним, и тогда она точно поймёт, что это сон. Что туфелек на самом деле нет. Конечно же, она просто спала, спала...

Пальцы натолкнулись на мягкий атлас.

Элеонора прижала ладонь ко рту. Внутри зарождался счастливый смех.

Желания были реальны.

Руки у неё дрожали. Широкая улыбка осветила лицо. Всё, что обещала черноглазая женщина, было правдой. Это не сон – Элеонора в самом деле сможет получить всё, чего пожелает! Сможет покинуть особняк Гранборо...

Перед ней рождалось будущее. Она сможет стать леди, как когда-то надеялась. У неё будут собственные слуги и перина, и она сможет наедаться до отвала, пока не станет толстой и счастливой. Она будет стоять на балконе Джульетты, совершит тур по дворцам Версаля, будет пробираться по руинам Помпей. И на пути другие будут говорить ей: «Вот сюда, мисс Хартли» – и умолять о великой чести понести её сумки. Элеонора превратит свою жизнь в великолепный сияющий драгоценный камень, и все, кто увидит его, будут завидовать...

Но если желания были реальны, реальна была и цена.

Душа Элеоноры больше ей не принадлежала.

Она уже загадала одно желание. Теперь было слишком поздно. Элеонора уже изменилась – но как? Что она сделала с собой? Бессознательно Элеонора поднесла руку к лицу, посмотрела на ладонь. Дыхание участилось. Выглядела она всё так же и чувствовала себя так же... Или нет. Ей казалось, что кто-то срезал ей макушку и все тайны вселенной были вложены прямо в её череп.

Что же она натворила?

Элеонора заставила себя успокоиться. Конечно же она не чувствовала себя по-прежнему, ведь всё стало по-другому. Лею выгнали. Мистер Пембрук уже кружил вокруг Элеоноры. А сама она обнаружила, что волшебство было реальным и она стала единственной, кто знал об этом. Но кем она станет, когда ошеломление пройдёт? Останется ли она собой или станет более резкой и жестокой? А может, Элеонора сможет наконец видеть мир ясно, будучи единственным человеком, который мог видеть его сокровище?

Прошлой ночью черноглазая женщина сказала, что не заберёт её душу, пока Элеонора не загадает своё последнее желание. Может быть, ещё не поздно. У неё ведь осталось шесть желаний... Нет, пять. Она не должна использовать последнее желание: её душа принадлежала ей, только ей! Разве что сейчас Элеонора оказалась на шаг ближе к тому, чтобы потерять её.

Девушка вцепилась в туфельки. Несмотря на то что она совершила, она не сумела сдержать своего счастья. Туфельки были такими гладкими и мягкими под её огрубевшими пальцами, что от самого прикосновения к ним она заулыбалась.

Теперь у Элеоноры был выход – не только для неё самой, но и для Ифе тоже. Только через эту дверь нужно было проходить очень осторожно. Она должна осторожно планировать свои желания, как генерал, перемещающий войска по полю битвы. Одно неверное движение – и будет кровь. Но после всего, после всех этих лет, выход был! Всё, о чём она мечтала, было у неё в руках! Всё, что ей оставалось, – это протянуть руку.

Элеонора прижала туфли к груди. Вся она буквально светилась светом своей тайны.

Девушка спустилась по лестнице для слуг на кухню, полная светлых мыслей. Новые туфельки она завернула в разорванную нижнюю юбку и запихнула в старый чемодан, который спрятала за комодом. Никто не отберёт их!

Она разгребла золу, зажгла кухонную плиту и рассеянно ударила ладонью по крепкой железной дверце. Руку засадило – три маленькие царапины открылись и начали кровоточить. Элеонора почти не заметила. Трудно было заставить себя волноваться о чём-то настолько обыденном, ведь это мог быть последний раз, когда ей придется разжигать огонь здесь.

Она выпрямилась, оглядела кухню. Это ведь мог быть последний раз, когда она поскользнулась на каменных полах, сидела на шатких деревянных стульях, смотрела в узкое окно высоко в стене, расположенное на уровне земли. Больше не нужно будет рыться в шкафу, чтобы собрать принадлежности для уборки. Не нужно будет таскать свой сундучок прислуги по лестнице. Не нужно будет задыхаться от пыли в винном погребе. Она возвысится над всем этим, гордо расправив плечи, и все будут улыбаться, увидев, что она снова вернулась на своё место, которое ей и подобает.

За завтраком Лиззи попыталась подзуживать её, но Элеонора почти не слышала. Зачем ей двадцать пять фунтов, когда она могла пожелать все деньги мира?

Миссис Филдинг отругала девушку за то, что та зря потратила её время накануне вечером. Элеонора пропустила эти слова мимо ушей. Ей не нужно было слушать миссис Филдинг, ведь она могла использовать свои желания, чтобы взлететь на самую вершину высшего общества. Миссис Бэнбёри отвела её в сторонку и мягко спросила, что не так. В ответ Элеонора улыбнулась так широко, что кухарка отступила. Что могло быть не так? Ведь теперь Элеонора

могла исправить всё.

Когда они закончили завтракать, миссис Филдинг собрала всех вокруг кухонного стола и сказала, что у неё есть новости. Сквозь дымку приятного головокружения Элеонора услышала, что Чарльз возвращается домой. Его вещи были отправлены ранее, и слугам предстояло подготовить дом к его приезду.

Элеонора выплыла из своей задумчивости. В последний раз она видела Чарльза на похоронах миссис Пембрук, больше трёх лет назад. На самом деле «видела» – не совсем точное слово. Элеоноре не разрешили присутствовать на похоронах – тогда она всё ещё считалась молодой леди и это было неприлично. В итоге она застряла в своей прежней спальне, большую часть утра прорыдав в подушку. В три часа пополудни входная дверь распахнулась, и в дом ворвались Чарльз и его отец, крича друг на друга. Лакей едва успел притворить дверь. Элеонора не разобрала, о чём они говорили – эхо смешивало фразы, – но вскоре услышала звук шагов. Кто-то раздражённо прошёл по коридору и хлопнул дверью.

Элеонора утёрла глаза и досчитала до сотни, желая удостовериться, что всё было тихо. Потом она тихонько прокралась к дальнему концу коридора и постучала в спальню Чарльза. За дверью она услышала шорох и грохот, но те тотчас же прекратились. Элеонора снова постучала – было тихо. К горлу подкатил комок. Она вернулась в свою комнату.

На следующее утро она обнаружила под своей дверью записку, написанную округлым почерком Чарльза. У него были какие-то срочные дела в Оксфорде, и потому он должен был отбыть немедленно – за три месяца до поступления в университет. Чарльз предложил ей выбрать любые книги в его комнате, а ещё – забрать жестяную коробку с имбирным печеньем, которую он прятал под кроватью. Он обещал писать ей каждую неделю. Элеонора выбежала, чтобы попрощаться, но Чарльза уже не было.

Он не писал. Элеонора пыталась убедить себя, что он был просто очень занят. Но дни складывались в недели, в месяцы, а потом и в годы, и она поняла, что Чарльз не собирался писать. А теперь она снова стояла на пороге его комнаты, сжимая в руках ящик с принадлежностями для уборки. Рядом стояла Ифе. Через пару недель ей придётся посмотреть в глаза Чарльзу и спросить, почему он так ни разу и не написал ей.

Элеонора одёрнула себя. Теперь в её распоряжении были желания. Через пару недель её уже не будет в особняке Гранборо. Она будет где-нибудь в прекрасном изысканном месте поедать фазанов и лобстеров, приготовленных специально для неё, и Чарльзу повезёт, если она вообще соизволит его заметить.

Девушка толкнула дверь.

Комната Чарльза была похожа на лавку старьевщика.

За три года, что он провёл вдали от Гранборо, Чарльз ни разу не приезжал домой, и Элеонора ему завидовала. Каникулы в университете он проводил с друзьями или участвовал в экспедициях своих профессоров. Он побывал везде – на Шотландском нагорье, где стрелял оленей, запутавшихся в пурпурном вереске и зелёном папоротнике. В Венеции, где попивал красное вино, сидя на балконе палаццо, глядя, как воды баюкали город. В руинах Помпей, любясь, как солнце золотило пепельно-белые камни. Но каждый раз, когда он переезжал в новое место, он покупал все сувениры, какие только находил, и отправлял их в особняк Гранборо.

– Пресвятые угодники, – проговорила Ифе, прислонив щётки к стене. – Где он только нашёл весь этот хлам?

В изножье кровати с балдахином выстроились оловянные кружки, украшенные орнаментом. С фарфоровых тарелок, некоторые из которых были уже разбиты, подмигивали нарисованные руины и поля. Треснувшая бутылка из венецианского стекла лежала на боку рядом с пыльным леденцом, коробкой ирисок и четырьмя разрисованными банками для печенья. Вокруг валялись шейные платки, носовые, а ещё – шарфы из французского шёлка, ирландского льна и индийского хлопка. Целая коллекция!

– И что нам со всем этим делать?

Элеонора подобрала несколько носовых платков и начала стряхивать с них пыль. Ей пришлось остановить себя, чтобы не пытаться разглядеть, было ли здесь что-нибудь для неё – пусть и прошло три года полного молчания.

– Полагаю, убрать всё. Ведь это принадлежит ему.

Ифе посмотрела на большой леденец:

– Всё-всё?

Элеонора притворила дверь.

– Почти всё.

Ифе подхватила леденец и тщательно очистила от пыли фартуком. Элеонора потянулась за ирисками. Устроившись на кровати Чарльза, она протянула коробку Ифе.

– Скажем ему, что мыши добрались до лакомств, пока всё это добиралось сюда на корабле, – сказала Элеонора, беря толстую ириску. – В общем-то, ему даже знать не обязательно.

Ифе помедлила:

– Тебе ведь нельзя сидеть на его кровати. Нам вообще не положено сидеть здесь.

Элеонора сунула ириску в рот, даже не подумав встать. Ифе была права. Слугам не положено было пользоваться мебелью, предназначенной для людей более высокого статуса, но Элеонора не желала принимать, что Чарльз или его отец будут выше, чем она. Кроме того, раз уж она собирается стать леди, нужно привыкать к хорошей мягкой мебели.

Она привалилась спиной к одному из кроватных столбиков и разложила по своим юбкам красные с золотом занавеси. Эта ткань подходила ей куда больше, чем коричневое шерстяное платье.

– Если бы ты могла сделать всё что угодно, что бы ты сделала, Ифе?

Ифе посмотрела на дверь.

– Ты слезешь с кровати, Элла? Что, если тебя кто-нибудь увидит?

Элеонора покачала головой:

- Ты не ответила на вопрос.

- Я бы вылечила Мишеля, - тут же сказала Ифе. - Ну а теперь ты перестанешь прохлаждаться?

- А что бы ты сделала после?

Ифе всплеснула руками:

- Не знаю! Что у тебя за настроение, Элла? К чему все эти вопросы? У нас полно работы.

Элеонора неспешно выбрала ещё одну ириску.

- Работы всегда полно. И делать её всегда приходится нам. Разве это справедливо? Почему бы и нам не полежать на мягких кроватях и не поносить хорошую одежду? Разве у нас не столько же прав, как у...

Дальше по коридору раздался крик - мужской голос, бессвязно и зло что-то говоривший. Элеонора тут же спрыгнула с кровати и сунула коробку ирисок под одеяла Чарльза. Ифе, подпрыгнув от неожиданности, попятилась от двери.

- Это хозяин? - прошептала она, не сводя глаз с двери.

- Думаю, да, - ответила Элеонора. - Пойдём вместе.

Ифе кивнула, дождалась, пока подруга откроет дверь, после чего обе тихонько вышли в коридор. Ифе всё ещё сжимала леденец.

Дверь в спальню мистера Пембрука была распахнута. Его плащ валялся на полу в коридоре, а сюртук повис на широких перилах главной лестницы. Крики - нет, всхлипывание, вдруг поняла Элеонора, - доносились из его комнаты. Девушка положила ладонь на плечо Ифе, и та спрятала леденец за спиной.

Медленно они двинулись к спальне. И чем ближе они подходили, тем явственнее чувствовали тяжёлый запах бренди. Через открытую дверь Элеонора видела мистера Пембрука в рубашке и наполовину расстёгнутом жилете. Он укачивал что-то в своих ладонях и рыдал, как ребёнок.

Робко она постучала в открытую дверь:

– Сэр?

Пембрук резко развернулся. Его каштановые волосы были взъерошены, сосуды в глазах потрескались, а лицо опухло от слёз. Он стоял рядом с птичьей клеткой, а в своих ладонях укачивал крохотное жёлтое тельце. Голова птицы была вывернута под неестественным углом.

– Пошли прочь! – хрипло выдохнул он. – Прочь!

Ифе сорвалась с места. Элеонора поспешила за ней. Обе девушки спрятались в комнате Чарльза и сидели там, не шелохнувшись, пока до них не донеслось эхо шагов мистера Пембрука, который, шатаясь, спускался по лестнице.

Элеонора привалилась к двери, тяжело дыша. Ифе подошла ближе – глаза у неё были широко распахнуты от страха.

– Это была...

Элеонора кивнула.

Ифе прижала ладонь ко рту:

– Бедная птичка.

Элеонора попыталась найти в себе хоть немного жалости для мистера Пембрука. Но даже если бы она наскребла в себе сочувствия, выдавила последние капли – жаль хозяина ей не было. Да, маленькая канарейка была невинна, и Элеоноре было жаль, что птичка умерла. Это было чудесное создание, и под его песни убираться в спальне мистера Пембрука становилось хоть немного сносно. Но когда девушка думала о самом мистере Пембруке, о том, что тот сделал с Леей,

она не находила в своём сердце никакой жалости при виде его слёз. Слишком многое он забрал, чтобы Элеонора могла посочувствовать его потере.

- Да, - согласилась она. - Бедная птичка.

Часть вторая

Элеонора сидела в столовой. Перед ней было разложено семейное серебро Пембруков. Оно блестело и искрилось, пока девушка отчищала грязь с гербов. На фоне глянцевого тёмного стола серебряные приборы были похожи на звёзды, соединяющиеся в созвездия, созданные ею самой. Элеонора подвинула нож и пару ложек, собрав Большую Медведицу. Однажды она видела это созвездие в книге и следующие несколько ночей провела, глядя в окно на чердаке, ища среди звёзд фигуру медведя, но увидела лишь уличные фонари, от света которых дым над трубами становился оранжевым.

Конечно, теперь она сможет создать свои собственные созвездия, даже написать своё имя звёздами, выстроить планеты от красной к синей или притянуть их ближе к Земле, чтобы лучше видеть их цвета. Теперь, когда у неё были желания, Элеонора могла сделать всё что угодно.

Руку свело, и вилка с грохотом упала на пол. Элеонора не стала нагибаться, а помассировала больное место на ладони.

Нет, разумеется, она не станет таскать планеты. У неё ведь осталось только шесть желаний. Нет, пять... ведь последнее нельзя было использовать, если она хотела сохранить свою душу. Глупо будет тратить желания на что-то такое легкомысленное. Нужно всё тщательно спланировать, если она собиралась осуществить свои мечты.

Она станет леди. Она собиралась увести своих друзей из особняка Гранборо. И ей никогда больше даже смотреть не придётся на очередную щётку или

метёлку. Она сможет путешествовать по всему миру, как Чарльз, и оставлять за собой вереницу разбитых сердец. После этого желания могут ей и не понадобиться.

Дверь открылась, и вошёл мистер Пембрук.

Элеонора резко вскочила, и вилки рассыпались по полу. Девушка отступила, отчаянно желая, чтобы хоть что-то разделяло их. Мистер Пембрук притворил за собой дверь, и его рука соскользнула с дверной ручки. Солнце светило ему прямо в лицо, блестящее от пота. Он щурился от света, глядя на девушку, заслоняя глаза ладонью, и его рука отбрасывала длинные глубокие тени на бледных щеках.

– О Элла, – его голос звучал ровно. – Надеюсь, я не напугал тебя.

Элеонора судорожно пыталась найтись с ответом и никак не могла придумать, когда вдруг вспомнила, что слова не нужны. Теперь у неё были желания. Она могла сказать всё, что захочет, и если бы хозяин попытался наказать её – ей всё будет нипочём. Как стеклу от дождевой воды. И этим знанием она была вооружена, словно лучшим мечом, защищена, словно прекрасным доспехом. Но Элеонора справедливо рассудила, что пока лучше не высказывать своё мнение. Её предыдущему желанию потребовалось время, чтобы сработать, а такой человек, как мистер Пембрук, мог нанести большой ущерб очень быстро.

Элеонора спряталась за пустой холодной вежливостью, надев её, точно маску:

– Я чем-то могу помочь вам, сэр?

Его улыбка была коварной.

– Полагаю, да, можешь. Садись. Итак, Элла, до моего сведения были доведены некие слухи о тебе...

Элеонора ощутила укол страха. Лиззи уже начала осуществлять свой план. Что ж, Лиззи могла говорить всё, что ей заблагорассудится, скоро Элеонора станет настолько выше её, что даже не заметит, что она там себе думала.

– Слухи, сэр? Могу я спросить откуда?

Мистер Пембрук отмахнулся:

– О, подробности совершенно не важны, уверяю тебя.

– Мне кажется, очень важны, – настаивала Элеонора, злясь на себя за то, как тихо и неуверенно звучал её голос. – Прошу прощения, позвольте, я позову миссис Филдинг. Мне бы не помешала её поддержка в этом вопросе.

Его усмешка потускнела:

– Да ладно тебе, Элла, нет никакой нужды тревожить миссис Филдинг. Она очень занятая женщина. Уверен, мы сумеем прийти к какому-нибудь соглашению сами...

Вот так всё и начиналось. И Элеонора прекрасно знала, какое «соглашение» он имел в виду. Страх буквально обжигал её изнутри. Ей было просто необходимо, чтобы в комнате оказался кто-то ещё.

– Напротив, – возразила она, – раз уж вопрос такой важный, что сам хозяин дома решил заняться им лично, согласитесь, это мой долг – уведомить миссис Филдинг.

Элеонора чуть ли не бегом припустила к двери. Она уже поворачивала ручку, когда мистер Пембрук возмущённо заявил:

– Твой долг таков, как я скажу.

Долг. Это слово она много раз слышала в особняке Гранборо. Оно царапало, толкало, тянуло, и за последние три года, казалось, Элеонора только и слышала это: долг.

Но что ж, не у неё одной был долг. Как хозяин дома мистер Пембрук должен был заботиться о своих подчинённых, обеспечивать их едой, одеждой и заботиться об их безопасности. А для Элеоноры он был не только работодателем, но и опекуном. Его долг перед ней был больше, чем перед кем-либо другим в этом

доме. Пембрук должен был о ней позаботиться. Он обещал своей супруге, когда та лежала при смерти. Элеонора слышала это. Но обещание он в итоге нарушил.

В ней вспыхнула злость. Что ж, пусть он нарушает обещания – это не важно. У неё были желания. Она могла сломать его самого!

– У нас у всех есть долг, сэр, – заметила девушка, приоткрывая дверь, стараясь, чтобы голос её звучал ровно. – Уверю вас, свой долг я помню.

Вес лауданума в кармане был чужеродным – тяжёлый мешочек, который только и ждал, чтобы его украли. Элеонора подумала о Лиззи, и кулаки у неё зачесались. Ей бы не пришлось таким заниматься, если бы Лиззи не украла все её деньги.

Мистер Пембрук вышел. Как только он покинул дом, Элеонора поспешила вверх по лестнице. Бутылочка ударялась о её ногу. Стащить её оказалось совсем легко. Миссис Бэнбёри хранила лауданум в кухонном шкафу, ну а в общей суматохе легко было спрятать небольшую бутылочку в стопке посуды. Элеонора подхватила её, как раз когда убирала посуду, и никто ничего не заметил. И всё-таки ей надлежало быть очень осторожной. Если кто-то увидит её, её заберут в тюрьму как отравительницу. Конечно же, теперь, когда у неё были желания, наверное, не имело значения, если её арестуют – Элеонора просто пожелает, чтобы её отпустили. Но лучше уж не оказаться в такой неприятной переделке.

Сначала – кабинет. Мистер Пембрук держал здесь половину своих графинов.

Девушка велела себе быть благоразумной, но всё равно помедлила, когда добралась до второго этажа и оказалась перед дверью кабинета.

Она подошла ближе, крутя бутылку в кармане. Дверь была уже совсем близко. Она прислушалась. Миссис Бэнбёри и Дейзи кричали друг на друга на кухне. Этажом выше Ифе пела что-то по-ирландски. Миссис Филдинг звала Лиззи из коридора. Из кабинета не доносилось ни звука.

Элеонора вошла.

Кабинет выглядел так же, как всегда, – тёмный, довольно мрачный, словно подземное логово. Стены нависали, книжные шкафы, казалось, слишком наклонялись, а портреты давно умерших Пембруков померкли до грязно-коричневого цвета. Взгляды с картин наблюдали за девушкой, когда она припёрла дверь стулом. И как это все эти лица никогда не пугали её прежде? Сейчас Элеонора была готова к тому, что их глаза начнут мерцать, а на лица лягут странные тени, стоит только отвернуться. Девушка чуть не повернулась лицом к стене, но задерживаться было некогда.

За пару минут дело было сделано. Всего один глоток, и мистер Пембрук уйдёт в сон, прежде чем дотянется до неё. Учитывая, сколько он пил, он даже не заметит, что все его хрустальные графины кто-то открывал. Добавляя последнюю каплю лауданума, девушка вспомнила Лею и поникла. Нужно было сделать это много месяцев назад... нет, даже лет. Если б она додумалась до этого раньше, Лея была бы здесь, счастливая, смеющаяся, пока мистер Пембрук мирно дремал бы в кресле.

Элеонора сунула бутылёк обратно в карман. Хватит ли этой дозы? Сколько вообще нужно было лауданума, чтобы усыпить такого крупного мужчину, как мистер Пембрук? Он ведь был намного больше Элеоноры, пил целые галлоны бренди, и кто знает, что делал, когда кутил со своими друзьями. А по дому ведь были расставлены и другие графины: вдруг он хлебнёт из них, а не из этих?

Элеонора одёрнула себя. Теперь в её распоряжении были желания, и она уж позаботится о том, чтобы мистер Пембрук больше никогда не оказался наедине с какой-нибудь служанкой. Лауданум был лишь временной мерой, но у неё было время продумать план. Возможно, ей не придётся отравлять и другие графины.

Покинув кабинет, Элеонора направилась в комнату к Лее, проклиная себя, что не отравила питьё мистера Пембрука раньше. Если б она соображала быстрее, действовала более ловко... но теперь было слишком поздно. Никогда больше она не увидит Лею. Девушка даже не представляла, где теперь искать подругу и как её найти, ведь Лея не умела ни читать, ни писать. Лондон просто проглотил её, вместе с её добрыми яростными глазами и живым смехом. Элеонора положила ладонь на ручку двери, ведущей в комнату Леи. Как скоро город выплюнет её обратно?

Утерев глаза, Элеонора спустилась обратно в кухню, чтобы поставить бутылёк на место. Миссис Бэнбери была близко, а на сковороде скворчал огромный кусок

масла. Дейзи убиралась в кладовой. Никто не смотрел на кухонный шкаф, из которого девушка вытащила бутылочку. Она пересекла комнату, вытащила лауданум из кармана и...

- Элла!

Прямо за ней стояла миссис Филдинг. Элеонора замерла перед открытой дверцей кухонного шкафа, зажав в дрожащей руке бутылку с лауданумом. «Вот и всё, - подумала она. - Вот и всё...» В любую минуту миссис Филдинг позовёт констебля, крича, что у них в доме отравительница, и Элеонора ничего не успеет сделать, ведь бутылочка была прямо у неё в руке...

- Господи, что ты собираешься с этим делать? - спросила миссис Филдинг.

Элеонора вздрогнула. Она не ожидала, что ей представится возможность объясниться, и теперь в голове у неё крутилась только одна мысль: «Меня поймали».

Но потом ей пришла неожиданная мысль.

Она обернулась, чувствуя, как горят щёки. «Хорошо. Это мне как раз на руку».

- Я... это началось так внезапно, миссис Филдинг, - девушка многозначительно положила руку себе на живот. - И я подумала: может, пара капель поможет избавиться от боли...

Миссис Филдинг вздохнула:

- Ох, Элла. Я полагаю, ты намного выносливее. Иди помой пол в холле - это тебя отвлечёт.

Элеонора сделала реверанс, принесла ведро, щётку и мыло, пряча свою радость, пока никто не заметил.

В то воскресенье миссис Филдинг повела их всех в церковь. Мистер Пембрук никогда не ходил с ними, но экономка настаивала, чтобы всех служанок каждую

неделю видели на семейной скамье – во избежание слухов. Конечно же, это было бессмысленно. Весь приход видел, как сокращается число служанок, и незримое присутствие мистера Пембрука нависало над ними, точно злобный призрак.

Они вошли в церковь по двое, когда от брусчатки уже поднимался жар. Улицы в глубине Мэйфера были тихими – лишь скрип водяных насосов и распахивающихся окон нарушал эту тишину. На этих улочках воскресенье и правда было святым днём. Но стоит только повернуть за угол, и раздаются крики и шум рынка, а торговцы пыhtят над своими прилавками, пытаются продать людям воскресные обеды. Маленькие девочки бегали от двери к двери, продавая кресс-салат[12 - Кресс-салат – съедобное травянистое растение, которое можно вырастить не только в грунте, но и на «почве», приготовленной из ваты, фланели, древесной стружке или губке.] на грязной фланели. Огромные подносы с рыбой воняли на жаре. Сыр, завернутый в муслин, плавился, а почки, уже не свежие, истекали кровью прямо на тротуар.

Увидев церковь, Элеонора ощутила укол тревоги. Она ведь продала свою душу – сможет ли она ступить на освящённую землю? Девушка ущипнула себя за запястье. Конечно, сможет. Желания ведь не были злом.

Ифе вздохнула, когда они прошли через двери.

– Миссис Филдинг, мы могли бы хоть раз сходить в настоящую церковь?

– Здесь у твоего папства власти нет, Ифе, – прошипела экономка. – Тихо, люди услышат.

Закатив глаза, Ифе пробормотала:

– Здесь даже пахнет неправильно.

Элеонора смотрела только вперёд, не обращая внимания на шепчущихся при виде их прихожан. Она чувствовала, как люди пересчитывают служанок, как пристально смотрят на опустевшее место Леи – так обычно разглядывают зверей в клетках.

– ...это, конечно, вопрос времени. Холостяки всегда попадают в такого рода неурядицы...

– ...а девочек просто не воспитали должным образом. Они ничего не могут с собой поделаться...

– А знаете, что он всех их зовёт по имени? В общем-то, оно и понятно. Кому захочется лечь в постель с девушкой по имени Хартли?

Элеонора споткнулась. Женщина средних лет в зелёном платье оттенка мышьяка, которая произнесла эти слова, отвернулась, хихикая, едва только заметила выражение лица Элеоноры. Девушка сжала кулаки. Прихожане хихикали и сплетничали о том, что происходило в особняке Гранборо, словно обсуждали сюжет оперетты. Мистер Пембрук представал в роли милого плута, эдакого стареющего донжуана в смокинге, а служанки – резвыми пышногрудыми девчушками, которые слишком громко смеялись, и их можно было привлечь похабным подмигиванием. Никто из этих людей не видел их синяков.

Перед службой вышел священник. Преподобный Кларк был невысоким мужчиной, жадно интересующимся жизнью своих прихожан, а особенно – молодых незамужних прихожанок, которые продолжали беременеть в особняке Гранборо. У него было безошибочное чутьё на сплетни, такое тонкое, что могло считаться буквально божьим даром. Элеонора удивилась, что он не обивал пороги особняка, когда стало известно об увольнении Леи.

Элеонора наблюдала, как преподобный Кларк вытягивает подробности о Лее из миссис Филдинг с упорством, с каким терьер вытаскивал крысу из норы. Девушка пыталась вслушиваться в другой разговор: сын миссис Кеттеринг женился на девушке, которую повстречал в Индии, одной из местных, и теперь вёз её домой. Дочь полковника Хардвика собиралась выйти замуж за своего возлюбленного, еврея. Через две улицы отсюда был ограблен сапожник. Но шепотки о Лее притягивали её внимание, словно невидимые настойчивые руки. Элеонора вскинула голову и смотрела вдаль, гордая, жёсткая. Скоро она заставит их всех перестать перешёптываться.

Медный котёл для стирки в Гранборо застыл ржавой глыбой в подвале рядом с кухней. Платить за обслуживание аппарата и услуги трёх прачек, которые работали с ним, было дорогостоящим удовольствием, потому, когда котёл сломался, мистер Пембрук уволил всех троих и начал отправлять своё бельё в прачечную.

Элеонора собиралась забрать вещи для стирки. Она не могла не заметить, что мистер Пембрук не находил дорогим только свой виски и членство в клубе. Зато услуги женщин, как бы низко они ни стоили, он не считал нужным оплачивать.

Над тротуаром висело знойное марево, но Элеонора всё равно натянула перчатки и надела свою широкополую шляпку. Даже так далеко от реки она всё равно чувствовала запах Темзы – сырой, зловонный под летним солнцем. Но в Мэйфере двери не открывали и ставни не распахивали. Не показывать же, что обитатели таких великолепных домов могли потеть, как простой люд.

Все они притворялись идеальными. Слуги, мимо которых проходила Элеонора, вежливо кивали ей и осведомлялись о её здоровье, если она задерживалась. Но несколько недель назад они вели себя настолько же вежливо с Леей, а теперь, казалось, выкорчевали её из памяти, вырвали, словно гнилые нити из швов. Леи как будто не было вовсе. То же самое случилось и когда заболела мать Элеоноры. Добрые соседи закрыли для неё свои двери, не желая рисковать заболеть чахоткой, даже когда маленькая Элеонора плакала на пороге.

Девушка услышала шум и суету Мэрилибона прежде, чем оказалась там. Вдали от улиц Мэйфера город буквально кишел людьми. Продавцы фруктов терялись в целых тучах мошкары. Мужчины в рекламных щитах[13 - Рекламный щит, сэндвич-борд – щиты, прикрепляющиеся спереди и сзади к «человеку-рекламе».] обливались потом, как и женщина, продающая кофе из тачки. Подметальщики останавливались на углах улиц, лениво опираясь на мётлы. Омнибусы, телеги, повозки и личные экипажи грохотали взад и вперёд по улице, а от запаха навоза, гниющих фруктов и горелого кофе у Элеоноры закружилась голова.

Как же ей хотелось поскорее уже выбраться из всего этого! Чем раньше она сможет начать платить другим людям, чтобы ныряли в шумную толпу по её поручениям, тем лучше. Миссис Пембрук, например, никогда не ходила туда, куда не хотела. Для этого у неё были слуги.

Элеонора замерла. Кто-то врезался в неё, выругался, но она не обратила внимания.

Она ведь могла загадать желание, чтобы миссис Пембрук вернулась. Она могла вернуть и мать! Ведь черноглазая незнакомка сказала, что Элеонора может пожелать всё что угодно, не так ли?

Девушка скользнула в тень платана, чьи листья уже начали буреть. К стволу прислонился нищий. Он протянул Элеоноре руку, но та проигнорировала её. Да и собственных денег у неё всё равно не было.

Могла ли она в самом деле вернуть к жизни миссис Пембрук? И что случится, если она так и поступит? Неужели мир повернётся вспять и всё станет прежним, словно миссис Пембрук и не умирала? Или она просто появится снова, живая и невредимая после того, как её оплакивали долгих три года? Элеонора так и не сумела до конца примириться со смертью Пембрук – даже если бы та прожила ещё тридцать лет, ее смерть всё равно была такой ранней! Но три года скорби взяли своё. Даже если завтра она проснётся, а миссис Пембрук снова будет жива и здорова, груз трёх лет без неё никуда не исчезнет. Сможет ли Элеонора снова посмотреть на неё? Сможет ли когда-нибудь перестать скорбеть?

Девушка вспомнила чёрные матовые глаза незнакомки и решила, что возвращать мёртвых к жизни, возможно, не такая уж хорошая идея. Все её инстинкты говорили, что если черноглазая вернёт кого-то к жизни, этот человек уже не будет прежним. Может быть, незнакомка удержит его или её на пороге агонии, навечно застрявшими в мгновении умирания, не в силах двигаться дальше. И поняв это, Элеонора задрожала, несмотря на зной. Смерть её матери совсем не была лёгкой. А уж застрять в таком состоянии навсегда...

Элеонора тотчас же отбросила эту мысль.

К ней бочком подошла пухленькая женщина с покрасневшими глазами и жёлтым платком на шее.

– Простите за беспокойство, мисс, – льстиво проговорила она, – но я вижу, что вы чем-то глубоко опечалены. Вам нужны деньги? Ах, я просто не могла не заметить ваши прекрасные волосы, их необыкновенно красивый блеск. Я могла бы дать вам три шиллинга, если вы пройдёте со мной...

Элеонора отпрянула и скрылась в толпе. Скрипач чуть не ткнул ей в глаз смычком. Маленькая девочка, гнавшаяся за обручем, бросилась ей под ноги. Торговцы пихали свои подносы с тающим мороженым, прохладным имбирным пивом и мутным джином чуть ли не в нос. Девушка старалась избегать их всех, пробираясь сквозь толпу, высоко держа голову. Глупо было думать о таких вещах – особенно на публике, где любой мог увидеть её печаль. Лучше выбросить всё из головы, как всегда.

Но, имея в распоряжении желанья, она могла больше не беспокоиться о таком. Нищета, голод, болезни – всё это теперь не имело над ней власти. Она могла бы вытащить всех, кто был ей не безразличен, с самой грани смерти, возвысить их над всеми заботами так, что они даже не вспомнят, на что похожи трудности. Элеонора могла накормить голодных, приютить бездомных, вылечить больных. И она могла сделать всё это, просто пожелав много денег. Всё, чего она желала, она могла теперь получить, и больше ей никогда не придётся бояться.

Улица давила на неё со всех сторон, жаркая, тесная, но Элеонора шла, гордо вскинув голову и расправив плечи, озарённая силой, которую она только-только начинала осознавать.

Всё вокруг казалось ничтожным.

Прачка неправильно вычистила костюмы мистера Пембрука: вода оказалась слишком горячей и тонкая шерсть села. Узнав об этом, миссис Филдинг накричала на Элеонору, потому что устала и потому что девушка попала под руку. Но Элеоноре было совершенно всё равно – она могла думать только о желаньях.

Конечно же, ей следовало быть очень разумной и осмотрительной. И следующее её желание требовало тщательного продумывания. Но каждый раз, когда Элеонора видела на улице шикарное ландо[14 - Ландо – четырёхместная повозка с откидной крышей.], или её взгляд падал на ярко-синие и розовые платья, или до неё доносилась прекрасная музыка, она знала, что вскоре всё это будет принадлежать ей. Всё самое чудесное, самое прекрасное в мире будет её. Так какое значение имели чистка и полировка в сравнении с этим? Она ходила по особняку Гранборо точно во сне и при этом чувствовала себя более живой, чем когда-либо. И пока Элеонора отскребала мраморный пол в холле, казалось, даже

щётка нашёптывала: «Же-ла-ни-я».

Лиззи заметила.

Она специально выставила ногу, когда Элеонора проходила мимо, чтобы та споткнулась. Она «случайно» сбросила на пол обед Элеоноры. Она намеренно втянула миссис Филдинг в долгие обсуждения морального облика Леи или его отсутствия, а сама то и дело бросала взгляды на Элеонору, чтобы посмотреть, не потеряет ли она самообладания. Элеонора ничего не сказала и не сделала, лишь вздрогнула, когда миссис Филдинг проговорила: «Разумеется, я совсем не удивилась. Девочки часто буквально бросаются на своих хозяев».

Реальность прорвалась к Элеоноре, ранила злобным осколком, и её руки сами собой сжались в кулаки прежде, чем она даже успела это осознать. Но она сдержала гнев и поднялась по лестнице для слуг, чтобы всячески обругать Лиззи уже в тишине своей комнатухи.

Вся её кровать была мокрая.

Элеонора вскипела. Лиззи раз за разом пыталась спровоцировать её на какую-нибудь глупость, чтобы у мистера Пембрука появился повод позвать Элеонору на «личный разговор». Разумнее было проигнорировать Лиззи, но Элеонора уже так устала быть разумной. С неистово колотящимся сердцем она проверила чемодан и не удержалась от вздоха облегчения, когда убедилась, что туфельки на месте. Бог знает, что сделала бы Лиззи, если бы нашла их – особенно после той истории с ограблением бедняги-сапожника.

Солнце садилось в малиновом зареве, и комнатуху Элеоноры заливал алый свет. Девушка упивалась им, дышала глубоко, пока внутри перестал пульсировать гнев. К тому времени, как она успокоилась, солнце уже село, и в доме воцарилась тишина. Мэйфер молчал, но четырьмя этажами выше улицы нельзя было окончательно скрыться от шума ночного города. Мюзик-холлы, грохочущие по брусчатке колёса кэбов, далёкие крики – звуки налипали на Элеонору, точно смола, напоминая ей, что она была во власти обыденности.

Пришло время бежать.

Элеонора сняла туфли, чтобы ступать тихо, и прокралась в библиотеку. Крутые деревянные ступеньки лестницы для слуг не скрипели под ногами – она умела передвигаться совершенно бесшумно. Тихо приоткрыв дверь на второй этаж, девушка прокралась в коридор. Чулки цеплялись о ворс ковра. Она добралась до библиотеки – ей потребовалось всего пять минут – и вдруг замерла, когда дверь за ней со скрипом открылась.

Элеонора обернулась. У двери, ведущей на лестницу для слуг, стояла Лиззи со свечой в руке и улыбалась.

– Хозяин хочет тебя видеть, – прошипела она.

Элеонора отступила. Сердце билось так громко, что казалось, этот стук слышат все. Нет. Не сейчас. Слишком быстро! Она не была готова и никогда не будет.

Лиззи приблизилась, высоко держа свечу.

– Иди, мисс Элеонора. Тебя ждут наверху.

Элеонора бросилась вперёд, оттолкнув её, и бегом спустилась по лестнице для слуг. Нужно было добраться до кухни – там лежали ножи и тесаки и стояло ведро с углём, которым она сможет ударить Лиззи по голове. Всё что угодно, лишь бы Лиззи уже оставила её в покое. Лиззи, чертыхаясь, поспешила за ней.

Элеонора ворвалась в кухню, схватила разделочный нож и обернулась. Лиззи замерла, увидев блеск лезвия в свете свечи.

– Только поднеси ко мне эту штуку, и я закричу, – прошипела она.

– Попробуй, – бросила Элеонора. – Тебя не услышат – четыре этажа и сукно на всех дверях.

Лиззи медленно поставила свечу на кухонный стол. Элеонора прислушивалась к шагам на лестнице, но было тихо.

– Верни мне мои деньги.

Лиззи ухмыльнулась:

- Не могу. Я их всех потратила.

Внутри нарастал глухой плач. Костяшки рук, сжимавших нож, побелели. Как же Лиззи так быстро успела разбазарить будущее Элеоноры?

- Ты не сможешь держать эту штуку вечно, - заявила Лиззи. - Миссис Бэнбёри заставит тебя положить нож на место. А когда заставит, я буду рядом, уж не сомневайся. И он тоже.

- Перестань.

Лиззи сделала шаг.

- Он рассердится, если ты будешь затягивать. Так и случилось с Леей. Но ты ведь и сама это знаешь, правда, мисс Элеонора? Ты видела её синяки.

- Я сказала, перестань!

- Или что? - Лиззи кивнула на нож: - Ты не воспользуешься им. От этого всё станет только хуже. Лучше уж иди к нему, и дело с концом.

- Прекрати! Ради всего святого, просто перестань! Господи, как ты можешь? - воскликнула Элеонора. На глазах выступили слёзы. - Как ты можешь бросать ему девчонку за девчонкой и просто... просто... Господи! Я хочу, чтобы в кои-то веки ты просто остановилась!

Что-то изменилось.

Долю секунды Элеонора видела всё с пугающей отчётливостью - пылинки в воздухе, кажущиеся серебристыми в лунном свете. Отражение побледневшего лица Лиззи на лезвии ножа. Жука, пролетевшего над кухонной плитой. А потом по телу прокатилось странное покалывание. Притяжение.

Она загадала желание.

Элеонора не собиралась этого делать. Желания были драгоценными, и тратить их надлежало с умом. Теперь она была на шаг ближе к тому, чтобы потерять душу – а всё лишь потому, что не сумела сдержаться. Её окутал стыд. Ей нужно быть осторожнее!

Лиззи уставилась на неё, сглатывая. Нож со звоном упал на пол. Элеонора попятилась к лестнице.

– Кто угодно, только не я, – прошипела Лиззи. Её голос дрожал. – Никогда там не окажусь я!

Рассвет пробивался сквозь тонкий слой жирной грязи на окне Элеоноры. Она запуталась в своём влажном постельном белье. Жар нарастал – девушка уже чувствовала, как от пота волосы липли к лицу. Постель с ночи так и не высохла, но, по крайней мере, это давало немного прохлады.

Торговцы уже катили свои тележки по улицам внизу и вели на рынок животных. Издалека доносилось множество звуков, но всё, что можно было разглядеть из маленького оконца, – это вереницу уличных фонарей, гаснущих один за другим. Словно дорожка из хлебных крошек, которые кто-то медленно подьедал.

Девушка оделась, размяла затёкшую шею, пытаясь избавиться от боли в мышцах, всё ещё злясь на себя, что загадала желание, по сути этого не желая. Когда она спускалась вниз, влажная ткань будто высасывала тепло из её рук и ног.

Больше задерживаться было нельзя. Ей придётся загадать ещё одно желание – то, которое она планировала всё это время. Выбор был лёгким, теперь, когда Элеонора знала, что мистер Пембрук положил на неё глаз. Она пожелает денег и навсегда окажется от него подальше. Но сначала она хотела увидеть, как сбылось её второе желание.

Странно было думать о том, как это могло произойти. Возможно, желание полностью изменило личность Лиззи – и она бы стала мило извиняться и пытаться загладить свою вину. Но, с другой стороны, есть вещи, о которых слишком странно даже думать. Может быть, Лиззи вызвали домой по срочному семейному делу – в конце концов, даже у магии есть свои пределы.

Кухня была наполнена ужасной духотой с тяжёлым привкусом пепла, словно жар пробирался даже в рот. Элеонора вытряхнула сажу из решётки огромной плиты, выковыряла золу и прочистила дымоходы перед тем, как развести огонь. Пальцы колело, а все юбки испачкались в золе. Плита всё ещё была тёплой, но должно пройти немного времени, прежде чем она разогреется для овсяной каши. Остальные спустятся ещё не скоро.

Элеонора вытряхнула свой передник над ведёрком для золы, край которого погнулся. В кухне царил беспорядок. Тонкий слой пыли и грязи лежал на ступеньках, ведущих в сад, и там виднелись чьи-то следы. Стулья были повалены, а дверца шкафа – наполовину открыта. Там виднелась пустая бутылка из-под дешёвого джина.

Девушка закатила глаза. Похоже, Лиззи устроила настоящий беспорядок после их ссоры, прекрасно зная, что Элеонора окажется здесь первой, так как был её черёд убираться.

«Ну что ж, – подумала она, расставляя стулья на места. – Не беда». Как только Лиззи увидит Элеонору настоящей леди, она подумает дважды, стоит ли быть такой злобной.

Элеонора поставила бутылку с джином в кучу для миссис Бэнбёри. Позже приходил кто-нибудь из мальчишек, чтобы за пару пенсов забрать мусор. Она поставила ведро с углём на место и смела землю и пыль в аккуратную кучу, стирая следы на земле метлой. Смахнув небольшую кучку в совок, девушка поднялась по ступенькам к садовой двери, чтобы вытряхнуть пыль на улице...

И увидела Лиззи, лежавшую лицом вниз в корыте с водой.

Это был не первый труп, который доводилось видеть Элеоноре. Она видела несколько мёртвых тел. Миссис Пембрук, конечно, была похожа на королеву. Случайный нищий, бездвижно застывший в дверном проёме магазина или тихо истекающий кровью в сточной канаве. И её мать. Когда чахотка наконец забрала Элис Хартли, женщина сливалась цветом кожи с простынями, несмотря на всё, что пыталась делать Элеонора. Жизнь уходила из неё месяцами, и в конце концов Элис превратилась в хрупкую оболочку, трепещущую от каждого вздоха.

Лиззи не была похожа на хрупкую оболочку. Она выглядела ещё хуже – вся в пятнах, распухшая и...

К горлу подкатила тошнота, и Элеонора обняла себя за плечи, впившись в них ногтями. Нет, она не станет об этом думать.

Девушку усадили в гостиной, поставив рядом остывающую кружку горячего бренди. Повсюду сновали полисмены. То были не долговязые констебли, заикавшиеся, если она спрашивала, который час. Эти полисмены были тихими и суровыми, и ладони у них были размером с тарелку.

Гул толпы отскакивал от стен, гудел в ушах. Люди весь день толпились у стены сада, надеясь увидеть тело. Несмотря на то что Элеонора была на первом этаже, она невольно ожидала увидеть лица, прижимавшиеся к окнам гостиной, – лица зевак, пытавшихся хоть мельком увидеть и её.

Девушка вздрогнула, когда дверь открылась.

– Элла? – позвала миссис Филдинг. – Элла, дорогая, с тобой хочет поговорить инспектор.

Это оказался самый высокий мужчина, какого ей только доводилось видеть. Даже когда он сунул шляпу под мышку, ему пришлось пригнуться, чтобы пройти через дверь. Тёмная одежда делала его похожим на гробовщика. Его глубоко посаженные глаза были чёрными, и, поднявшись, чтобы поприветствовать его, Элеонора невольно подумала о черноглазой незнакомке.

– Детектив-инспектор Джордж Хэтчетт, – представился он. – Я так понимаю, это вы нашли тело?

Девушка кивнула.

Инспектор оценивающе посмотрел на неё:

– Садитесь, пожалуйста. Полагаю, для вас это был настоящий шок.

Элеонора осела обратно в кресло. Инспектор полистал блокнот. Медленно и кропотливо он сделал несколько заметок, и Элеонора подумала, что, чёрт возьми, он мог там записать? Она ведь даже ничего не сказала.

– Ну что ж, – проговорил инспектор. – Давайте начнём с самого начала. Вы здесь служанка, верно?

Она кивнула.

– И вы также являетесь подопечной мистера Пембрука?

Она снова кивнула.

– Как долго вы здесь живёте?

– Чуть больше семи лет, – голос был хриплым. – А работаю – три.

– Вот как? – Он поднял брови.

Элеонора снова кивнула. Инспектор прищёлкнул языком. Звук получился странный, похожий на кудахтанье, и это было так неуместно, что хотелось рассмеяться. Словно ворон вдруг начал кудахтать, как курица. Но она совсем не была уверена, что если рассмеётся, то не расплечется, или её не стошнит, или она не продолжит смеяться до упада, пока ноги не подогнутся.

«Это моя вина», – подумала Элеонора. Она не понимала, как на самом деле расстроена Лиззи – даже не думала об этом после их ссоры. Девушка была так зла, так напугана, что даже не думала о служанке. А ведь, подумать только, она сказала все эти ужасные вещи сразу после того, как возлюбленный Лиззи бросил её.

– Расскажите мне, что произошло сегодня утром. Своими словами.

Казалось, Лиззи могла присесть на подлокотник кресла инспектора, или прислониться к оконному стеклу, или обвить руками горло Элеоноры. Каждая тень была тёмной, словно волосы служанки. Каждый отдалённый скрип был звуком её шагов. И всякий раз колебание воздуха приносило с собой запах

полироли – потому что Лиззи притворила за собой дверь. Элеонора была готова к тому, что та вот-вот появится и обвиняюще укажет своим бледным пальцем прямо на неё.

Платье Элеоноры всё ещё было влажным – она не знала, потому ли, что Лиззи залила ей кровать, или с того момента, как нашла тело. Но в любом случае сейчас казалось, что кровь Лиззи заливала всю её кожу.

– Мисс Хартли?

Что она могла сказать? И что он хотел услышать? Ей что же, придётся отчитаться за каждую минуту с самого пробуждения? Элеонора не была уверена, что сумеет. Когда она спустилась в кухню – в пять? Она не помнила, слышала ли часы. Нет, наверное, это было раньше. А может, позже.

Может, было совсем не пять утра...

– Мисс Хартли.

– Губы у неё посинели, – выпалила девушка.

Инспектор моргнул:

– Простите?

– Мы пытались вытащить её из воды до того, как вы пришли. Миссис... миссис Филдинг сказала, что она, возможно, пробыла там недолго. Но когда мы перевернули её, губы у неё совсем посинели. Это нормально?

– Так часто бывает.

Элеонора уронила лицо в ладони.

– Она не должна была этого делать. Я ведь поняла, что она мертва, сразу же, как увидела. И я не хотела, чтобы её переворачивали.

– Вы знали? Но откуда?

Уверенность окутала её в тот же миг, как она увидела фигуру в саду. Руки у Лиззи были изогнуты, словно увядшие корни, наполовину скрытые в бороздках в почве. И Элеонора поняла все сразу же, как увидела эти замершие пальцы.

Инспектор вздохнул:

– Вы пили этот бренди, мисс Хартли?

Элеонора покачала головой.

– Что ж, я вынужден настаивать – выпейте, пожалуйста. А когда закончите, я хочу, чтобы вы вспомнили, что именно произошло, когда вы обнаружили мисс Бартрам. Всё, что вы можете рассказать, поможет.

Элеонора подняла взгляд:

– Почему? Она... она ведь утопилась, да?

– Почему вы так говорите?

– Ну, она, должно быть, утопилась. На днях она разругалась со своим возлюбленным. Понимаете... понимаете, он увлёкся мной. – Элеонора опустила взгляд на руки, потом сделала глоток бренди, приятно обжигавший горло. – Я не сделала ничего, чтобы поощрить его в этом, – быстро добавила она, пока инспектор что-то яростно писал. – Но он схватил меня за руку, а Лиззи увидела и была очень расстроена. Когда я увидела, что она лежит там...

Девушка замолчала. Инспектор подался вперёд.

– Боюсь, это было бы невозможно, – мягко сказал он. – Мы подозреваем убийство.

Кружка выскользнула из пальцев Элеоноры.

Убийство...

Инспектор продержал её больше часа. К тому времени, как этот разговор закончился, его блокнот был заполнен записями, хотя девушка так и не рассказала ему всего. Затем Хэтчетт помог ей подняться и велел что-нибудь поесть, словно она была ребёнком, мечтающим о печенье.

Элеонора успела преодолеть половину коридора, прежде чем её вырвало в цветочный горшок.

Она просто не могла есть. Любая мысль о еде, когда перед мысленным взором то и дело возникало распухшее лицо Лиззи, казалась неуместной. Кроме того, на кухне было полно полисменов, и девушка была уверена – все они будут наблюдать за каждым движением ножа, стоит ей только начать нарезать хлеб, и прислушиваться к каждому всплеску воды, когда она начнёт мыть руки. Нет, она не могла заставить себя.

Дверь гостиной открылась. Элеонора обернулась, но это оказался инспектор.

– Ах да, мисс Хартли. Не могли бы вы сказать мне, где сейчас мистер Пембрук? Мне нужно переговорить с ним.

Девушка вздрогнула:

– Вы же не думаете, что он мог бы...

Инспектор поднял руку:

– Насколько я понимаю, мистер Пембрук был последним, кто видел мисс Бартрам живой. Всё, что мне нужно, – это переговорить с ним.

– Он ушёл. – Элеонора облизнула губы. – Он услышал шум и, узнав, что случилось, вышел – ещё до вашего приезда.

– Вышел? Не знаете куда?

Девушка покачала головой. Инспектор пристально наблюдал за ней. Элеонора ничего не рассказывала об их с Лиззи ссоре в кухне или об угрозах Лиззи

бросить Элеонору мистеру Пембруку. Его блокнот и без того уже был заполнен. И он записывал не просто слова. Когда Элеонора изо всех сил пыталась заговорить, не обращая внимания на ком в горле, он делал заметки, а его внимательный взгляд скользил то по её рукам, то по платью, то по покрасневшим глазам.

Инспектор понизил голос:

– Вы, кажется, нервничаете, мисс Хартли. Позвольте мне заверить вас: всё, что вы мне рассказали, будет храниться в строжайшей тайне, если дело не будет передано в суд.

Взгляд Элеоноры метался по коридору. Побледневшая миссис Филдинг стояла у двери, ведущей на лестницу для слуг.

– А теперь я должен спросить вас. Как вы полагаете, есть ли какая-то причина, по которой ваш наниматель мог бы причинить вред мисс Бартрам?

Это было слишком хорошей возможностью, чтобы упустить её, но миссис Филдинг всё ещё стояла в дверном проёме. Если она услышит, Элеонору уволят, и у неё не будет ни денег, ни места, куда податься. Девушка взглянула на экономку, убедившись, что инспектор это заметил.

– Найдите других девушек, – прошептала она так, чтобы Хэтчетт услышал.

Когда полисмены ушли, было уже далеко за полдень. Они ступали по кухне широкими шагами, измеряя расстояние между входом для торговцев и углом, где обычно хранилось металлическое ведёрко для угля. Они стояли внизу лестницы для слуг, открывали и закрывали обитые сукном двери, кричали на лестнице, проверяя, как много они сумеют услышать. Они обыскали комнату Лиззи, а потом столпились вокруг корыта.

Элеонора старалась держаться от полисменов подальше. Она, Ифе и Дейзи ждали в гостиной на случай, если понадобятся. Ифе всё никак не могла перестать плакать, а Дейзи бледнела каждый раз, когда видела ведёрко с углём, поставленное у камина. Элеонора не могла не заметить этого. Когда они

перевернули Лиззи, на лбу служанки была отметина – кто-то ударил её ведром с углём ещё на кухне. Затем она, должно быть, проковыляла в сад, где нападавший и утопил её в корыте.

Ифе шмыгнула носом.

– Хорошо бы они все уже ушли, – сказала она, утирая глаза. – Они ведь уже нашли всё, что искали.

– А они сказали, что именно искали? – спросила Элеонора.

– Нам они не скажут, – фыркнула Дейзи. – Во всяком случае, пока не убедятся, что мы этого не делали.

Ифе захныкала.

– Не говори глупостей, – резко возразила Элеонора, ёрзая в кресле. – Нас они не подозревают!

Какой-то полисмен крикнул с лестницы для слуг, и все три девушки невольно подскочили.

– Ты беседовала с инспектором довольно долго, – пробормотала Дейзи. Взгляд её карих глаз был прикован к Элеоноре. – Чего он хотел?

Девушка всплеснула руками:

– Конечно же, я провела там уйму времени! Я ведь первая нашла её! И... знаете, это было совсем непросто. Я очень расстроилась.

– Конечно же, – осторожно согласилась Дейзи. Что-то в её голосе заставило Элеонору застыть – словно Дейзи сгладила все острые углы своих слов и осторожно вставила их в беседу. После того как она заговорила, тишина в комнате стала казаться плотнее.

– Это правда, – настаивала Элеонора.

Она сидела как раз между Дейзи и дверью и видела, как взгляд Дейзи метнулся к дверной ручке, всего один раз.

– Иного я и не предполагала, – тем же ровным голосом ответила Дейзи и замолчала.

К ночи толпа разошлась. Большинство пошли за полисменами, когда те забрали тело. Некоторые мальчишки весь вечер подначивали друг друга, чтобы взобраться на стену и сунуть руку в корыто с водой, но это закончилось, когда плачущая миссис Бэнбёри как следует прошлась по ним колотушкой для ковров.

Элеонора пыталась отвлечься от всего этого. Когда инспектор ушёл, она вернулась в свою душную комнатку, чтобы закончить с починкой одежды. Её никто не останавливал. Но стоило ей открыть дверь и снова посмотреть на дыры, оставленные Лиззи, Элеонора не сумела отвести взгляд – всё стояла, держась за спинку кровати, и смотрела, а в груди что-то сжималось всё теснее и теснее.

Нет, оставаться здесь нельзя. Кто бы ни убил Лиззи, он мог вернуться в любую минуту. Она должна была выбраться.

Элеонора бросила заштопанные платья в чемодан и приставила его к двери. Теперь никто не сможет войти. Все свои порванные вещи она пинками отправила под кровать, не в силах смотреть на них, – и приоткрыла окно, прислушиваясь. Стук колёс экипажей по улицам, крики мальчишек-газетчиков, какой-то человек, разглагольствовавший о беззаконии и грешниках. Из сада не доносилось ни звука. Но ведь в прошлую ночь никто из них ничего тоже не услышал, не так ли? Когда все двери, обитые сукном, закрыты, кто-то мог прокрасться по лестнице. И Элеонора не узнает об этом, пока дверь её спальни со скрипом не откроется.

Элеонора подвинула кровать к двери – ножки скребли по половицам. Нет, она не позволит тому, кто отнял жизнь Лиззи, забрать и её.

«Должно быть, это помощник мясника», – подумала девушка. Они с Лиззи поссорились, и теперь служанка умерла. Не могло же это быть совпадением?

Но, возможно, это было не единственным совпадением.

Вчера вечером Элеонора загадала желание. Она хотела, чтобы Лиззи остановилась, и теперь Лиззи умерла. Могла ли черноглазая незнакомка?..

Элеонора тотчас же отбросила эту мысль. Конечно же, она и её желание не могли стать причиной смерти Лиззи. Желания были не такими! Это ведь были подарки, как в сказках, и они воплощали её мечты в реальность, а не убивали людей.

«Нет, так быть не могло, – сказала себе Элеонора. – Конечно же, нет». Она не была уверена, ждала ли ответа.

Девушка так и не смогла уснуть и спустилась в кухню в четыре утра. На улице было ещё темно. Это не тревожило её, пока она не зажгла плиту и ей не пришлось пойти к водяному насосу. Вот тогда стало казаться, что ночь вздымалась вокруг неё, окружала, просачивалась через двери, точно дым.

Элеонора вытащила кухонный нож. Ручка скользила во вспотевших пальцах, поэтому девушка взяла тряпку и обернула ею ладонь. Нельзя было уронить нож – не когда убийца Лиззи мог оказаться снаружи.

С ведром в одной руке, с ножом – в другой она поднялась по лестнице в сад и приоткрыла садовую дверь носком туфли.

Змейки тумана вились вокруг её ног. Липкий воздух душащей рукой скользил по шее. Длинный низкий жёлоб корыта казался чернее окружающей темноты – словно край ямы, только её и ждавший. Чуть поблёскивала железная рукоять насоса.

Элеонора поставила зажжённую свечу на ступеньку и прошептала молитву, потом крепче сжала нож и вышла.

Скрип ручки ведра заставил её вспомнить о проволочной гарроте. Дейзи рассказывала, что её кузину пытались задушить гарротой в Вест-Индии и что она видела шрам, пересекавший шею девушки. Дейзи говорила, что всё, что

успела услышать кузина, – это пение проволоки, когда душитель покрепче наматывал её на руку...

Под ногами пробежала крыса. Элеонора вскрикнула, чуть не выронив нож.

Она почти уже подошла к корыту. Удлиненное, узкое, чуть приподнятое над землёй, оно было очень похоже на гроб. Господи, а ведь сегодня Элеоноре придётся вычистить его. Вода блестела в темноте, словно масло, а от поверхности поднимался тошнотворно-сладкий запах, и желудок у девушки сжался.

Прежде чем поставить ведро, она сделала широкий круг. Сад был пуст – по крайней мере, так ей показалось. Задняя дверь была приоткрыта, и тонкий луч света падал на траву, но когда девушка повернулась, то поняла, что оставлять свет было ошибкой. Тот ослеплял её, ведь сейчас она стояла в темноте.

Элеонора сунула нож в фартук, потянула за ручку насоса так быстро, что ладони чуть не соскользнули. Потом снова схватилась, дёрнула вниз и наполнила ведро так быстро, что руки онемели. Когда она закончила, то тотчас же вытащила нож и оглядела сад с бешено колотящимся сердцем.

Ничего.

Подхватив ведро, девушка устремилась обратно в кухню. Почти на месте! Скоро она будет в безопасности, притворит за собой дверь, запрёт, и до конца дня ей не придётся смотреть на этот ужасный насос. За спиной девушка чувствовала болезненный холод, исходивший от воды, отмечавший то место, где умерла Лиззи. Взгляд Элеоноры метнулся к ведру, и она задалась вопросом, как долго тело может выдержать без питья.

Наконец девушка подошла к кухонной двери. Поставив ведро, она закрыла за собой дверь, взяась с ключом.

– Элла?

Элеонора вскрикнула и выронила нож. Тот с грохотом скатился по лестнице. Кто-то вскрикнул в ответ, и в темноте вспыхнул огонёк зажжённой спички.

Элеонора подхватила свечу. Дейзи и Ифе в ужасе схватились друг за друга у подножия лестницы. В дрожащей руке Дейзи держала разделочный нож. Они отпрянули друг от друга, когда поняли, что это была Элеонора.

- Простите, - прошептала девушка. - Вы меня напугали.

Ифе тряхнула спичкой, гася её, и уткнулась в плечо Дейзи. В темноте она заплакала.

- Простите, - повторила девушка. - Я... прости.

Миссис Филдинг стояла во главе кухонного стола. Под глазами у неё залегли тени, а из-под ворота платья едва заметно выступал белый шрам на шее. Элеонора не могла отвести взгляд. Конечно же, Лиззи солгала, когда сказала, что этот шрам оставила она, Элла!

- Нам всем будет нелегко, - говорила миссис Филдинг. - И нам будет очень не хватать Лиззи. Можно даже не говорить о том, что её смерть оставит на всех нас отпечаток на долгие годы. Но я хочу заверить вас, что здесь вы будете в безопасности. Я попрошу мистера Пембрука разрешить сменить замки. Я знаю его с детства, и он искренне заботится о ваших интересах. Он не допустит, чтобы вам навредили.

Элеонора сохранила безучастное выражение лица.

- Нам придётся восполнить нехватку рабочих рук теперь, когда... когда Лиззи больше нет с нами, - продолжала миссис Филдинг, часто-часто моргая. - Но у меня есть основания полагать, что это ненадолго. Скоро мистер Чарльз прибудет из Парижа, а по его возвращении мы сможем нанять больше людей. До тех пор, я надеюсь, могу рассчитывать на ваше терпение и упорный труд, который поможет нам пережить это трудное время.

Она ждала. Ифе хлопнула в ладоши, но замерла, поняв, что никто к ней не присоединился.

Их отпустили. Элеонору и Ифе отправили на третий этаж, убирать спальни. Ифе пошла сменить постельное бельё мистера Пембрука – к счастью, сам он был в кабинете этажом ниже и не слышал их, – а Элеонора пошла в старую комнату миссис Пембрук.

Всё здесь осталось так же, как в день смерти хозяйки. У Элеоноры это всегда вызывало шок, ведь её собственную спальню на семейном этаже разобрали очень быстро. Щётки миссис Пембрук всё ещё лежали на туалетном столике. Ночная рубашка была сложена на подушке. У кровати стояла свеча, и казалось, в воздухе всё ещё висел след дыма. В мягком изголовье был вшит карман для коробка со спичками – одной не хватало.

Элеонора как следует позаботилась о том, чтобы замести следы своих тайных походов в комнату миссис Пембрук. Ящики выдвигались точно под прямым углом, а щётки для волос аккуратно раскладывались на туалетном столике. Но ей не разрешали находиться здесь, если она не убиралась. Зато мистеру Пембруку было можно. Ему-то не требовалось быть осторожным.

Девушка тихо подкралась к туалетному столику. В детстве она часто сидела здесь, и миссис Пембрук расчёсывала ей волосы. Зеркало всё ещё было закрыто: чёрную марлю накинули на стекло после похорон миссис Пембрук и с тех пор к ней не прикасались. Элеонора не могла смотреть на кровать. Три года назад она увидела под белыми простынями очертания тела миссис Пембрук. Сейчас сам вид белья заставил её вздрогнуть.

Вместо этого она взяла одну из щёток. Несколько прядей волос цвета красного золота всё ещё сохранились, зажатые щетиной. Рядом лежало письмо, написанное за несколько дней до смерти, начинавшееся со слов: «Моя дорогая Эммелина...» Пуфик на одном из кресел был сплюснен – место прямо напротив картины, висевшей над камином. Там были изображены три маленькие девочки. Самой старшей было не больше трёх-четырёх лет, младшей – всего несколько недель. Все трое казались странными, застывшими, точно отлитые из воска. Это были три дочери Пембруков, и все они умерли до приезда Элеоноры в Гранборо. Миссис Пембрук назвала их имена, когда Элеонора только приехала – Беатрис, Юджиния и Диана, – и объяснила, что хотя их больше не было в живых, она всё ещё любила их, как сама Элеонора любила свою мать.

Воспоминание было таким ярким. Миссис Пембрук наклонилась к ней, взяла руки Элеоноры в свои – рукава её чёрного крепового платья сморщились, когда

миссис Пембрук прикоснулась к ним, – и сказала: «Я кормила их, как ты кормила свою бедную мать. Тебе больше не нужно чувствовать себя такой одинокой». И тогда впервые Элеонора расплакалась, после нескольких месяцев, когда просто смотрела в пустоту.

Теперь Элеонора чувствовала себя совершенно неприкаянной. Здесь мистер Пембрук писал письма своей давно умершей жене и смотрел на фотографию своих давно умерших детей. Если он и плакал, этого она представить себе не могла.

Девушка не могла думать о нём, находясь в этой комнате. Как такое чудовище, как он, женился на миссис Пембрук, самой лучшей женщине, какую когда-либо знала Элеонора? Этому она никогда не сможет понять. Элеонора перевернула письмо, чтобы не приходилось смотреть на него, взбила подушки и распахнула окно, чтобы выпустить запах дыма. Она сделает так, словно мистера Пембрука здесь никогда не было.

«Но это будет нелегко», – подумала она, чувствуя себя пугающе готовой. Всё, что ей нужно сделать, – это загадать желание, и он бы кончил, как Лиззи...

Рука Элеоноры скользнула по оконной защёлке, и девушка вскрикнула, снова порезав одну из трёх царапин на руке. Те только успели затянуться и покрыться корочкой. Девушка обернула ладонь фартуком, стараясь не думать о Лиззи. Конечно же, причина смерти была не в желании. Конечно же, такого быть просто не могло...

В дверь постучали, и вошла Ифе.

– Я услышала какой-то шум. Ты в порядке?

– Просто царапина. Зацепилась обо что-то. А ты...

Ифе расплакалась.

– Ох, Ифе. – Элеонора поспешила к подруге. – Что случилось?

– Клетка, – всхлипнула Ифе. – Я всё смотрю на пустую клетку и думаю о Лиззи, и просто... просто... – Ифе закрыла лицо руками. Элеонора гладила её по спине, успокаивая, точно ребёнка. – Я хочу к маме, – плакала ирландка.

Элеонора помнила, как миссис Пембрук, бывало, гладила её по волосам, если девочке снился кошмар, и держала за руку. Миссис Пембрук всегда знала, что сказать, но Элеонора молчала, силясь сглотнуть ком в горле.

– Ты расскажешь ей, что случилось? – тихо спросила она.

– Не могу, – всхлипывала Ифе. – Она же вся изведётся! А учитывая, как плох сейчас Мишель... Она заставит меня вернуться домой, Элла, и как нам тогда оплачивать услуги доктора?

– Ты всегда сможешь найти другое место.

– Дейзи пыталась, ещё прошлой весной. Она сказала, что миссис Филдинг не даст ей рекомендации без дозволения хозяина и ни одна леди не примет служанку без рекомендаций. Как же найти другое место?

Элеонора провела по лицу дрожащей рукой. Ещё одна дверь закрылась.

– Мне ведь Лиззи даже не нравилась! – воскликнула Ифе. – Она была такая... такая... но теперь я не могу даже рассказать, ведь о мёртвых плохо говорить нельзя.

Элеонора закусила губу. Последние злые слова Лиззи всё ещё звенели в её разуме, и отчётливо девушка вспоминала её ухмылку в свете свечи, когда служанка произносила эти самые слова. И зная, что Лиззи делала, что собиралась сделать, Элеонора совсем не жалела, что та умерла.

Но сожалела ли бы она, если б она сама была убийцей Лиззи?

Элеонора быстро отбросила эту мысль. Конечно же, она не убивала Лиззи своим желанием. Глупо было так думать. Кроме того, если случилось так, она бы, конечно, знала. Туфельки ведь появились только на следующее утро – как по волшебству. И если бы Лиззи убило волшебство, тогда в её смерти тоже должно

было бы быть что-то волшебное. А ведь даже полиция считала произошедшее обыденным. Лиззи могла бы рухнуть замертво, стоило Элеоноре произнести эти слова, или исчезнуть в облаке дыма. Вот как работало волшебство в сказках.

Элеонора обняла Ифе и прижала к себе. Она смотрела в накрытое тканью зеркало и видела их смутные отражения за тёмной вуалью. На миг ей показалось, что она увидела там совсем иной, чуждый силуэт. Но когда Элеонора моргнула – наваждение исчезло.

Грязная туча пером протянулась по небу, раздуваясь, увеличиваясь. Жар, исходивший от брусчатки, стал меньше, но растущая туча заставляла лошадей нервничать и раздражаться, а у Элеоноры вызывало тупую ноющую боль в голове.

Девушка пробиралась сквозь толпу, спеша в укрытие, только и успевая убирать юбки из-под копыт. Баранья нога в корзине была тяжёлой. Элеонора пригнулась, чтобы не попасть под брезент, который торговец товарами развернул и набросил над прилавком.

Впереди вырисовывался силуэт особняка Гранборо – там, где Мэрилибон переходила в Мэйфер. Тяжёлые тучи собирались прямо над домом, словно родились внутри него и теперь вытекали из дымоходов, как чернила из бутылки. Окна чердака были похожи на глаза, полные слёз.

Элеонора подумала, что, может, не стоит и возвращаться. Она могла бы продать содержимое своей корзины любому, кто возьмёт, забрать деньги и скрыться в толпе. Что её ждало в Гранборо, что ей было там небезразлично? Разве что воспоминания – и, конечно же, Ифе. Теперь, когда Леи не было, а Дейзи была прикована к кухне, мистер Пембрук займётся Ифе, если Элеонора уйдёт. Этого девушка не могла допустить.

«И кроме того, – подумала она, проходя мимо подметальщика, всё ещё чувствуя ноющую боль в висках, – куда идти?» Если в Лондоне и было место, безопасное для молодых девушек, она не знала, где это. Истории ходили разные.

Благочестивые деревенские девушки находили объявления о чистом, ухоженном и абсолютно приличном пансионе, а оказывались в борделе, откуда им уже не позволяли уйти. Чтобы найти безопасное место для жизни, недостаточно было

просто постучаться в чистую блестящую дверь и вежливо попросить. И даже если она бы всё-таки нашла такое место, кто бы впустил её без рекомендаций и без денег для съёма жилья?

Капли дождя коснулись щеки Элеоноры, посеревшей от копоти и печного дыма. Вскоре дождь уже хлестал по брусчатке, грохотал по крышам, точно множество сыпавшихся монет, и улицу охватил шум, когда толпа людей поспешила спрятаться от ливня. Торговец клубничным мороженым бросился к своему аппарату, прикрывая животом товар. Цветочницы с визгом бросились в укрытие, держа подносы над головами. Волынщик спрятал инструмент под куртку и побежал к ближайшей церкви, забрызгав ноги гостей свадьбы, собравшихся у крытого входа на кладбище. Единственный, кто выглядел абсолютно счастливым, был коричневый пёс мясника, катавшийся под дождём.

Конечно же, теперь Элеонора могла полагаться на свои желания.

Но должна ли? Она потеряет душу, если загадает их все. Кроме того, многое в этой сделке казалось неправильным. Улыбка черноглазой женщины была безмятежной, а голос казался странно знакомым, но эти глаза... Элеонора вздрогнула.

И теперь Лиззи была мертва. Элеонора загадала желание, и Лиззи умерла.

Девушка убеждала себя, что это было просто совпадением. Её первое желание было таким прелестным – чудесные туфельки, появившиеся как раз на восходе солнца, словно подарок из сказки. Её второе желание – если оно действительно сбылось – было совсем не похоже на первое. Возможно, черноглазая женщина замыслила что-то иное, а Лиззи погибла прежде, чем незнакомка успела это осуществить?

Элеонора чувствовала, как сникает. Даже в её собственной голове это звучало как жалкое оправдание.

Она направилась обратно в особняк Гранборо. Вода заливалась за ворот платья, несмотря на шляпку. Улица приобрела цвета взбитой грязи и птичьего помёта. Дождь хлестал между булыжниками брусчатки, и каждая капля была грязной, как монета, которая прошла через слишком много рук. Мутной воды было так много, что подметальщики как будто пытались смести прочь целую реку.

Элеонора поспешила по тротуару и накинула на голову шаль. Мимо промчался кэб, и она, бросившись прочь, натолкнулась на старуху, стоявшую у тележки с горячим картофелем. Старуха выругалась, но Элеоноры уже и след простыл. Её окликнул какой-то уличный торговец, предлагая кружку с кофе. Мокрый нищий потянулся к ней, и в единственном его глазе застыла мольба. Мужчина с подносом «Оздоровительные тоники», висевшим у него на шее, попытался схватить девушку за руку. На площади стоял жалкий шарманщик – дрожащая обезьянка свернулась клубочком в воротнике его куртки. С каждым поворотом рычага шарманки над улицей раздавался вой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шатлен – декоративный пояс или аксессуар, к которому крепятся различные предметы, например, ключи, часы, ножницы, печати и прочее. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

2

Мэйфер – престижный район Лондона.

3

Мэрилибон, или Марилебон – зажиточный квартал на севере Вестминстера.

4

Уголок Ораторов – место, где разрешены публичные выступления, дебаты и дискуссии.

5

«Панч и Джуди» – традиционный уличный кукольный театр, первоначально возникший в Италии в XVII веке.

6

Дверь из зелёного сукна – дверь, отделяющая помещения для прислуги от жилых комнат, к ней прибивали сукно, чтобы заглушить шум. (Прим. ред.)

7

Булочка с крестом, крестовая булочка – традиционный пасхальный хлеб, употребляемый в Великую пятницу в Англии, странах Британского содружества, Чехии и Германии. (Прим. ред.)

8

Уайтчепел – бедный исторический район Лондона. Знаменит тем, что именно здесь в XIX веке якобы происходили убийства, приписанные Джеку Потрошителю.

9

Лауданум – опиумная настойка на спирте.

10

Фронтиспис – рисунок, размещаемый на одном развороте с титулом на чётной полосе. Обычно рисунок фронтисписа не имеет подписи, но иногда вместо подписи дают автограф автора.

11

Кристофер Марло «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста»,
Перевод Н. Н. Амосовой.

12

Кресс-салат – съедобное травянистое растение, которое можно вырастить не только в грунте, но и на «почве», приготовленной из ваты, фланели, древесной стружке или губке.

13

Рекламный щит, сэндвич-борд – щиты, прикрепляющиеся спереди и сзади к «человеку-рекламе».

14

Ландо – четырёхместная повозка с откидной крышей.

Купить: https://tellnovel.me/ru/harvud_dzh-dzh/t-ma-v-hrustal-noy-tufel-ke

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)